

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

СЛОВО В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тезисы III межвузовской конференции
молодых ученых

Екатеринбург, 21 мая 2011 г.

Екатеринбург
2011

УДК 811.161.1'42
ББК Ш 141.12–3
С 483

*Издание осуществлено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229
в рамках реализации ФЦП «Научные
и научно-педагогические кадры инновационной России»
(тема «Современная русская деревня в социо-
и этнолингвистическом освещении»).*

Редакционная коллегия:
О. В. Атрошенко, Е. О. Борисова, Е. С. Коган,
А. А. Макарова, А. В. Тихомирова

Рецензенты:
д. филол. н., проф., зав. каф. общ. яз-ния и рус. яз. УрГПУ
Т. А. Гридина,
д. филол. н., проф. каф. общ. яз-ния ТюмГУ
Н. В. Лабунец

С 483 **Слово в традиционной и современной культуре : тез.**
III межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 21 мая 2011 г. –
Екатеринбург, 2011. – 96 с.

В работах молодых ученых-лингвистов ведущих вузов Урала решаются актуальные проблемы лингвокультурологии и этнолингвистики. К рассмотрению привлекается лексика литературного языка и русских народных говоров, в том числе сопоставляемая с данными других языков, русская ономастика, современные тексты и памятники русской письменности.

УДК 811.161.1'42
ББК Ш 141.12–3

© ГОУ ВПО «Уральский государственный
университет им. А. М. Горького», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алеева А. И.</i> Французский код в романе А. Ф. Вельтмана «Саломея»	5
<i>Атрошенко О. В.</i> Семёнов день в русском языке и культуре	7
<i>Баранова К. И.</i> Загадка «Реки Оккервиль»: к изучению смыслообразующего потенциала имени собственного в художественном тексте	10
<i>Барсова Е. О.</i> Зоометафора как способ репрезентации признака скорости	12
<i>Бортников В. И.</i> Практика различения причины и следствия при фиксации категории времени в поэме Джона Мильтона «Потерянный Рай» (контент-анализ переводов 1895 и 1976 г.)	15
<i>Габдуллина А. Х.</i> Японизмы в лексиконе современного молодого человека	18
<i>Гареева О. М.</i> Семантическая структура этимолого- словообразовательных гнезд *gal-/ *gol-, *nag-, *lys-, *plex-/ *pleš- в русском языке	20
<i>Гейн К. А.</i> К типологизации системных отношений локальной топонимической системы (на материале топонимии микрорегиона д. Марьино Андомского сельского поселения Вологодской области)	24
<i>Дубровская Д. В.</i> Индивидуально-личностные смыслы в структуре языковой личности М. В. Панова	27
<i>Золотова Е. С.</i> Социолингвистические особенности языковой личности предпринимателя по данным естественной письменной речи	29
<i>Зотова А. Д.</i> Влияние рекламных роликов, содержащих литературные элементы, на современную молодежь (по результатам экспериментальных данных)	33
<i>Казакова Е. Д.</i> Принципы построения словника в авторских словарях диалектоносителей	36
<i>Кобелева Н. С.</i> Семантические характеристики подзванных слов в русских говорах	39
<i>Коган Е. С.</i> К вопросу о национальной специфике: дети в якутской и русской фразеологии	41
<i>Кочнева Н. С.</i> «Говорящие» имена как средство создания ономастической игры в произведении В. П. Крапивина «Стража Лопухастых островов»	44
<i>Кучко В. С.</i> Пространственный код в лексико-фразеологическом поле «Обман»	47

<i>Макарова А. А.</i> Названия рыбных и безрыбных озер в топонимии Белозерья	50
<i>Мелёхина М. В.</i> Кто такой <i>езбик</i> ?	53
<i>Михалищева С. С.</i> К семантической интерпретации русского диалектного <i>паргá</i> 'кровь'	55
<i>Перминова М. Ю.</i> Неофициальная топонимия Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте	57
<i>Плотников С. С.</i> О характеризующем потенциале литературного онима (к фамилии главного героя повести Ф. М. Достоевского «Двойник»)	60
<i>Понурко К. О.</i> Обряд хождения с вертепом: региональная культурная и языковая специфика (на материале архива В. И. Пономарева, Лальск, XIX в.)	63
<i>Попова Е. В.</i> Об исчезнувших текстовых идеограммах слов <i>грань, грань, grano</i> и их производных	65
<i>Синица Н. А.</i> <i>Монах</i> в зеркале русской языковой и фольклорной традиции	68
<i>Соломеина Д. С.</i> К этимологии праслав. * <i>ъьja</i> в свете русских лексических данных	70
<i>Сривара Пасукди.</i> Формально-структурная характеристика русских и тайских фразеологизмов с анималистическим компонентом	73
<i>Тихомирова А. В.</i> Оппозиция «внешний – внутренний» в русской «одежной» метафоре	77
<i>Чанунпори Хемсакун.</i> Типы деривационной семантики префиксальных глагольных дериватов, мотивированных глаголом <i>говорить</i>	80
<i>Чугаев Н. В.</i> Опыт синтаксического анализа пыскорского документа 1741 года	83
<i>Шабалина Е. В.</i> <i>Двоезубые, двоеволосые, двоеглазые:</i> к вопросу о символике числового компонента	86
<i>Шельякова А. В.</i> Русская <i>мера</i> в семантико-мотивационном освещении	88
<i>Шкураток Ю. А.</i> Этимология пермского диалектного слова <i>вёкшица</i>	90

Французский код в романе А. Ф. Вельтмана «Саломея»

Художественная литература XIX в. характеризуется активным использованием в русском тексте иностранных слов, словосочетаний и предложений, преимущественно с сохранением графического облика языка-источника. Одним из основных источников западноевропейских заимствований был французский язык.

В статье на материале романа А. Ф. Вельтмана «Саломея» (первый роман из цикла «Приключения, почерпнутые из моря житейского») рассматриваются функциональные особенности французских вкраплений в тексте произведения, в частности их употребление как этикетных форм, образующих своеобразный элитарный код.

В русском образованном обществе первой половины XIX в. французские этикетные формы были нормой, поэтому в тексте романа закономерны конструкции в функции приветствия: «*bonjour, monsieur* Лычков!» (франц. *bonjour, monsieur* 'здравствуйте, господин'¹); благодарности: «*Merci*, – отвечает она ему каждый раз» (франц. *merci* 'спасибо'); обращения: «Перепугалась, *ma chere*?» (франц. *mon cher / ma chere* 'дорогой, милый / дорогая, милая'); «Ты устал, *mon ami*, от дороги? – повторяла нежным голосом Саломея» (франц. *mon ami / mon amie* 'друг / подруга').

Французский вариант слова использовался как элемент языковой игры. Так, в функции обращения в тексте романа встречаются русские календарные имена, стилизованные под французские и оформленные в латинской графике. Как правило, такие формы встречаются в речи Саломеи: «*Grégoire*! – произнесла она тихим, смягченным голосом» (франц. *Grégoire* 'Тригорий'); «*Georges*! – вскричала Саломея вне себя» (франц. *Georges* 'Георгий'). Кириллические написания французского варианта имени в речи других

¹ Текст цит. по: Вельтман А. Ф. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея. М., 1957.

персонажей почти не встречаются. Однако антропоним *Мария* в тексте романа является высокочастотным, включает ряд вариативных форм: «Marie, entendez-vous?» (франц. 'Мари, вы слышите?'); «Маша! [русский вариант гипокористического именования] – вскричал Рамирский»; «Ска-а-тина этот Рамирский, – сказал он, – думал отбить у меня мою Мери! [английский вариант]». Автор объясняет сосуществование аллоформ традициями, языковой модой, например: «Мария, но мы назовем ее по моде, Мери».

Используя латинское написание имени, автор подчеркивает неадаптированную форму антропонима, в котором таким образом фиксируется модный французский прононс. А. Ф. Вельтман, академик Российской академии наук, известный лингвист середины XIX в., внимательно и тонко относился к языковым особенностям своего времени, поэтому в его романе закономерно отражается градуальность французско-русской интерференции. Графическое выделение текстуального антропонима в ситуации обращения, по нашему мнению, свидетельствует о том, что имена, написанные латиницей, произносились несколько иначе, чем имена, оформленные кириллицей.

В тексте романа система этикетных форм предстает как своеобразный кодовый язык, присущий элитарной части русского общества XIX в. Так, желая показать свой утонченный вкус, следование языковой моде, дворяне прибегали к французскому языку, чтобы:

- выразить восторг от нового знакомства: «C'est délicieux!» (франц. 'Это восхитительно!');
- сделать комплимент: «Ah, une très jolie brune!» (франц. 'Ах, очень красивая брюнетка');
- признаться в любви: «Ah! je vous aime! je vous adore!» (франц. 'Ах! я Вас люблю! я Вас обожаю!');
- выразить неудовольствие: «Dieu! je suis trahie!» [франц. 'Боже! я несчастная!'] – вскричала Саломея, всплеснув руками и как будто желая скрыть от еврейки свою несчастную участь»;
- скрыть истинный смысл высказывания: «Саломея Петровна, напротив, не слушала ни папеньки, ни маменьки, но, прищурясь, с сухою усмешкою осматривала сидящего гостя и иногда только прерывала русский разговор французским вопросом у матери: "Что это за человек? Это какой-то медведь»;

откуда он приехал?»» (франц. «Que cela pour la personne? C'est quelque ours; d'où il est venu?»). В этой ситуации галлицизмы (в тексте романа они присутствуют имплицитно), вслед за рядом исследователей, можно рассматривать в качестве эвфемизмов, позволяющих говорящему скрыть, смягчить грубые, неуместные выражения.

Таким образом, французские вкрапления, используемые в романе А. Ф. Вельтмана «Саломея», не только отражают стилистическую ситуацию XIX в., но и свидетельствуют о формировании особой системы: французского кода – кодового языка, присутствующего элитарному русскому обществу.

О. В. Атрошенко

Екатеринбург

Семёнов день в русском языке и культуре*

В докладе рассматриваются представления о Семёновом дне (1 сентября по ст. ст. / 14 сентября по н. ст.), отраженные в русском языке и других кодах традиционной культуры (ср. [Агапкина, Белова], где этот праздник включается в славянский культурный контекст).

Дата 1/14 сентября – именины преподобного Симеона Столпника: рус. диал. *Семёнов день*, *Семён*; ворон., забайк. *Семён-день*, костр. *Семён-Именинник*, костр., нижегор. *Семён-Столпник*. При этом в народном сознании происходит смешение святых Семёнов (тезок), именины которых приходятся на разные дни в году. Так, Симеон Столпник и Симеон Богоприимец (Праведник), покровитель 3/16 февраля, могут восприниматься как одно лицо: орл. *Семён-Богопреёмец*, прикам. *Семёнов день* '1/14 сентября': «Семёнов день – Семён Праведник ходил, шубы шил без кармана или без рукава, чтобы денег за работу не брать». В названии дня 1/14 сентября может подчеркиваться отличие общеизвестного

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке госконтракта П 736 от 12.08.2009 на проведение НИР в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., а также программы ОИФН РАН «Русские ономастические словари как источник культурно-исторической информации».

сентябрьского «именинника» Симеона Столпника от местного святого-тезки, день памяти которого также в сентябре, ср. прикам. *Семён Правильный* и *Семён Верхотурский*: «Он бывает 14 сентября, Семёнов день. А второй день 25 сентября. Первый – Семён Правильный, а тот – Семён Верхотурский».

Семёнов день находится на границе двух сезонов, из-за чего мыслится то как последний день лета, то как первый день осени: севернорус. *Семён-Летопровóдец*, свердл. *Семёны Осéнные*; ср. также болг. *Летни Симеоновден*, гуцул. *Осінны Семен*. Кроме того, когда-то он считался рубежом годовых циклов: курск. *Семёнов День – Новый год*: «Прежде новый год начинался с 1 марта, а потом с 1 сентября, и теперь ещё старики говорят: “Семёнов День – Новый год”»; калуж. *Семён лето провожает, осень встречает*; ср. болг. *Нова година* ‘1/14 сентября’. Будучи точкой отсчета для нового сезона, Семёнов день символически предопределяет погоду в течение всей осени: арх. *Семёновна* ‘женщина, которую первой увидят на улице 1/14 сентября’: «В Семён-день Семёновна утром выходит. Красивая баба – осень добрая, некрасивая – худая осень будет».

Следствием пограничного положения рассматриваемой даты является ее связь с природными изменениями (общий мотив для славянской культуры). Так, в языке и паремиях присутствует идея укорочения светового дня: прикам. *Сенька-Паужонок*, ср. также перм. *Сенька паужну* [полдник] *украл*. Семёнов день, по поверью, открывает сезон миграции птиц (прикам. *Семён-Гусепрòвод*) и завершает жизненный цикл мух, ср. костр. *Мухов день*: «В этот день мрут мухи. В коробки положат дети-то и закопают»; вят. «Если похоронишь их (мух), то их меньше и будет». Обычай хоронить мух в Семёнов день маркирует переход сезонного рубежа: проводы теплого и встреча холодного времени года (ср. сжигание чучела масленицы, маркирующее проводы зимы). Похороны мух могут быть символической заменой «летних» насекомых на «зимних», ср. арх. *белые мухи* ‘снег’ и прикам. «Семёнов день первый раз накружит снегом».

Мотив исчезновения мух с 1/14 сентября отражен в иркут. *мошка семёновна* ‘мошка, пропадающая после 1/14 сентября’. Данное наименование вписывается в ряд названий, проследивающих завершение биологической активности того или иного вида насекомых: иркут. *пауты прокопьевичи* ‘оводы,

исчезающие с Прокопьева дня (8/21 июля)', *комары ильичи* 'комары, пропадающие с Ильина дня (20 июля / 2 августа)'. Так, если Прокопьев и Ильин дни только «намекают» на приближение осени, то Семёнов день маркирует ее наступление. При этом проводы лета до Семёнова дня считаются преждевременными: рус. диал. «Убьёшь муху до Семёна дня – народится семь мух; убьёшь после Семёна-дня – умрёт семь мух». Поверье о семи мухах основано на созвучии хрононима *Семёнов день* и соответствующего числительного.

Прекращение августовских зарниц также приурочено к Семёнову дню, который совпадает со временем созревания хлебов, ср. костр. *Семёин день*: «Семеин день – семена долой» (если до 1/14 сентября не сжать хлеб, то семена из колосьев выпадают на землю); костр. *Семерики* 'неделя в сентябре, когда бывают зарницы': «...на светлом небе зарницы и зорят овёс». Наименование *Семерики* соотносится с числительным *семь* (семь дней), а в результате звукового сходства испытывает влияние русских диалектных хрононимов *Семёнов день* и *Семёновская неделя* 'неделя после 1/14 сентября'. Представление о созревании яровых культур «притягивается» к Семёнову дню в результате контаминации *Семён* и *семена* и под влиянием символики переходности даты.

Созревание урожая к Семёнову дню меняет образ жизни земледельца, ср. рус. диал. *семенинские хороводы* 'осенние хороводы, устраиваемые с Семёнова дня', волог. *Засидки* 'начало домашних работ с огнем, 1/14 сентября'. Если у восточных славян Семёнов день завершал полевые работы, то у южных – начинал сев, ср. болг. *Симеон Орачо*. В русской же культуре 1/14 сентября считалось крайним сроком перехода к зимним занятиям: «С Флорова дня [18/31 августа] засиживают ретивые, а с Семёна – ленивые».

Важную информацию о семантике и символике изучаемой даты дают оппозиции хрононима *Семёнов день* и хрононимов *Прокопьев*, *Ильин день*, *Семён Верхотурский* и др., которые проникнуты ключевыми событийными мотивами русского традиционного календаря.

Агапкина Т. А., Белова О. В. Семенов день // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4. М., 2009. С. 610–612.

Загадка «Реки Оккервиль»: к изучению смыслообразующего потенциала имени собственного в художественном тексте

В докладе делается попытка интратекстуального анализа онима *Оккервиль*, претендующего на роль ключевого слова в рассказе Т. Н. Толстой «Река Оккервиль», с точки зрения его смыслообразующего потенциала.

Прежде всего нужно отметить, что наименование этой реки не создается автором рассказа, а заимствуется им из реального топонимического ландшафта Петербурга и его окрестностей. Название для современного носителя русского языка имеет затемненную внутреннюю форму и требует специальных этимологических разысканий. Высказывалось, в частности, мнение, что оно появилось в XVII в. и происходит от фамилии шведского полковника, имевшего на берегу реки мызу [Горбачевич, Хабло]. Для наших же целей важно, что отсутствие четко осознаваемой внутренней формы имени собственного побуждает читателя и исследователя к поиску иных художественно значимых аспектов его употребления.

Впервые в тексте рассказа оним появляется в составе двусловной анаграммной номинативной единицы *Река Оккервиль*, называющей конечную остановку трамвая: «Мимо симеоновского окна проходили трамваи, когда-то покрикивавшие звонками, покачивавшиеися висающими петлями, похожими на стремяна, <...> можно было сесть, плюхнуться на охнувшее, выпускающее под тобой дух мягкое кресло и покатить в голубую даль, до конечной остановки, манившей названием: “Река Оккервиль”». Далее имя собственное используется для номинации уже непосредственно водного объекта, характеризующегося как «край света» и «дальняя эта, почти не ленинградская уже речка». Семантика лексем, а также употребление относительного прилагательного с отрицанием указывают на отнесенность референта к далекому и незнакомому герою пространства. Такому восприятию способствуют и ассоциативные связи онима: название *Оккервиль* ассоциативно сближается с достаточно известными иноязычными (в том числе и литературными) именами собственными *Баскервиль*, *д'Эрбервиль*,

Виль и др., имеющими «европейский» колорит и отсылающими к «чужому» и далекому миру, находящемуся за пределами «своего» пространства.

Отдаленность объекта и неизвестность этого пространства в художественном мире произведения позволяет герою рассказа Симеонову самопроизвольно мысленно конструировать номинируемый объект: «не видя, не зная дальней этой, почти не ленинградской уже речки, можно вообразить себе все, что угодно: мутный зеленоватый поток, например, с медленным, мутно плывущим в нем зеленым солнцем, серебристые ивы, тихо свесившие ветви с курчавого бережка, красные кирпичные двухэтажные домики с черепичными крышами, деревянные горбатые мостики – тихий, замедленный, как во сне, мир». Оним *Оккervиль*, воздействуя на воображение героя, порождает у него определенное устойчивое мысленное представление, ассоциативным обозначением которого он далее становится. Этот образ постепенно обогащается за счет последующей работы воображения героя: он представляет прогуливающейся по берегу руси свою любимую певицу Веру Васильевну. Затем номинация метонимически переносится на сам воображаемый мир, моделируемый Симеоновым. Показателем усиления референтной неопределенности поэтонима становится эллипсис квалификатора *река*, до этого момента последовательно образующего с собственным именем одну номинативную единицу с самого начала текста, и изменение его по типу второго склонения: «на этом Оккervиле всегда что-то тревожное с небом». Такое изменение становится возможным именно за счет того, что оним теперь соотносится не с существительным женского рода *река*, а с существительным мужского рода *мир*. О еще большем размывании индивидуализирующей семантики поэтонима свидетельствует утрата им изначально определенного (сначала женского, затем мужского) рода: «узким ручьем шумел (шумела? шумело?) Оккervиль».

Таким образом, исследуемый поэтоним начинает называть не только самую достоверную в художественном мире рассказа окраинную петербургскую речку, но и отображение ее в трансформирующем действительность сознании героя, а затем и весь освоенный воображением персонажа идиллический мир на берегах этой реки, мир «мечты и грезы». Как река

Оккервиль, «судорожно сужаясь и расширяясь, течет и никак не может выбрать себе устойчивого облика», так и оним *Оккервиль*, указывая на неопределенное множество объектов художественного мира, становится в тексте именем с неопределенной и неустойчивой референцией и тем самым превращается в ключевое слово текста.

Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Почему так названы? О происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов в Ленинграде. Л., 1985.

Е. О. Борисова

Екатеринбург

Зоометафора как способ репрезентации признака скорости

Номинация скорости может осуществляться с помощью зоометафоры, в рамках которой носитель высокой или низкой скорости сопоставляется с каким-либо животным, а его действия – с действиями, которые характерны для животных (скакать галопом, летать, кудахтать) или же производятся над ними человеком (пасти).

В русском языке «эталоны» низкой скорости становятся следующие представители живой природы: птицы (курица, индюк, гусь, дикий голубь, ворона, куropатка, ронжа, тетерев), животные (корова, тюлень, бык (вол), черепаха, сурок) и насекомые (муха, вошь, муравей, паук). Признаком высокой скорости наделяются животные (коза, лошадь, кошка, собака, хорек, заяц), насекомые (мотылек) и рыбы (елец, плотва). Метафорические значения этих слов фиксируются в общенародном русском языке и в говорах (за исключением *черепахи*, представленной только в литературном языке).

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

Признак скорости «замечается» у животных носителем языка на прагматических основаниях, т. е. в зависимости от ситуации взаимодействия человека с животным. Так, широко распространенное сравнение неповоротливого (а значит, медлительного) человека с коровой объясняется размерами этого животного и его функцией в жизни человека (и, как следствие, образом жизни): башк. рус. *доёна* 'дойная корова' → 'о медлительном, неповоротливом человеке'. Литер. *телиться* 'рожать теленка' → простореч. 'очень медленно что-л. делать' также поддерживает образ коровы как медлительного животного.

В языковом «портрете» выделяется признак крупного размера, связанный с признаком невысокой скорости: иркут. *волóвый как бык* 'медлительный, нерасторопный человек' (*воло́вый* 'большой' < *вол*), пск. *как быка на баню тащить* 'о делающем что-л. крайне неохотно, медленно и неуклюже человеке' (предполагаются значительные усилия, необходимые при таком действии). При этом медлительность приписывается обычно холощеному животному, склонному к малоподвижному образу жизни, так как оно предназначено только на откорм: диал. шир. распр. *ва́лух* 'кастрированный баран или бык' → ворон., дон. 'нерасторопный, неповоротливый человек; лентяй'; влад., калуж., курск., ворон., тул., орл., смол. *волово́дить* 'затягивать исполнение чего-л., медлить с чем-л.; попусту тратить время'; одесск. *водить вола* 'делать что-л. медленно, неуверенно'.

Как быстрые животные воспринимаются лошадь и коза: см., например, моск. *рыса́чка* 'рысистая лошадь' → 'ловкая, быстрая женщина'; пск. (делать что) *как виноход* 'о быстро, энергично и ловко исполняющих что-л. людях' (*виноход* 'иноходец'). Лошадь – «средство передвижения», поэтому высокая скорость деятельности ассоциируется с ходом лошади: литер. *галоп* 'о быстрой походке человека', пск. *задавать рысака* 'бежать очень быстро', прост. *аллюр в два (три) креста* 'очень быстро (о скорости передвижения)' (оборот обозначает быструю езду на коне).

Коза воспринимается в оппозиции к лошади. Если скорость лошади связана с выполнением ею хозяйственных функций, то коза, как животное не ездовое, резва и подвижна «без цели», ср. литер. *коза* 'о резвой, бойкой, вертлявой девочке или девушке (шутл.)', перм. *как козу́ля* 'быстро, резво',

орлов. *брянская коза* 'о непоседливом, подвижном человеке'. В то же время *коза* участвует в номинации отстающего при косьбе или жатве: новг., пск. *быть (остаться) на козы* 'оказаться последним, отставшим в работе'. Выражение объясняется тем, что *козой* может называться необрунная полоска хлеба или льна, однако это слово переосмысливается, сближаясь с названием животного, что проявлено в таких фразеологизмах, как иркут. *посадить на козулю* 'обогнать соседа в работе (при косьбе)', влг. *на козе поехать* 'отстать ото всех при косьбе'.

Высокая скорость приписывается и зайцу, но в данном случае «скоростной» признак отмечен у животного как объекта охоты человека и хищников: новг. *обогнать зайца* 'быстро побегать'. Кроме того, заяц передвигается прыжками, а это действие также ассоциируется с высокой скоростью, ср. печор. *с прыти* 'быстро, стремительно', перм. *впрысочку* 'быстро, торопливо'.

Причиной развития значений высокой и невысокой скорости могут становиться признаки, связанные с повадками животных. Так, медлительный человек сравнивается с животным, впадающим в спячку, – сурком: *байбák* 'степной сурок, *Arctomys Bobac*' → ср.-урал. 'медлительный человек'. Быстрый человек ассоциируется, например, с хорьком, из-за его способа охоты: печор. *как хорёк* 'быстро, резво (ходить, бегать)'.

Наконец, для номинации скорости действия моделируются абсурдные ситуации: перм. *как кошка с пома́зом* 'быстро, суетливо' (*помаз* 'кисть, тряпка на палке или иное приспособление для намазывания, смазки'), а также ситуации реальные, но неестественные: литер. *тянуть кота за хвост* 'слишком долго делать что-л., оттягивать время', пск. (*делать что*) *как кошка со столба валилась* 'о чьих-л. быстрых, поспешных, заранее не подготовленных действиях'.

**Практика различения причины и следствия
при фиксации категории времени в поэме
Джона Мильтона «Потерянный Рай»
(контент-анализ переводов 1895 и 1976 г.)**

Следствием событийной насыщенности художественного текста является интенсификация точек времени, четкое разграничение временных промежутков, куда помещается происходящее. Наполнение семантики события темпоральностью напрямую зависит от ненулевой активности действующего лица. Герой обездвижен – и время как бы обтекает его, не останавливается на пассивной фигуре. Герой ожил – ожило и описание внешности (через переход к поступку); через цепочку поступков и слагается внутритекстовый ход времени. Итогом зависимости от постулата «Движение – это жизнь» оказывается известная двойственность природы *temporis* (Ю. С. Степанов). Время включает «во-первых, семантику ограниченной длительности, различающей события, семантику меры <...> Во-вторых, оно включает семантику... временных изменений от прошлого к настоящему» [Бабенко, 193–194].

Причинно-следственные отношения событий позволяют соединить семантические выражения меры с временными изменениями – иными словами, интегрировать время конечное и бесконечное, соединить в одну категорию относительную и абсолютную репрезентации темпоральной сущности текста. Наличие событийных следствий, с одной стороны, ограничивается пределами фабулы, так что одному действию не может быть поставлено в соответствие бесконечное число противодействий. Причинно-следственная цепь, таким образом, накладывается на временную ось: следствие есть мера реализации заданной причины, но на переходе к следствию зиждется и переход между прошлым и настоящим.

В Песне первой поэмы Джона Мильтона «Потерянный Рай» причинный компонент актуализируется с первым фабульным изменением:

Say first what cause
Mov'd our grand Parents... to fall off
From their Creator, and transgress his will...

[Milton, 137: I, 28–31]

Приведем указанный отрывок в наиболее известном переводе 1976 г. и в варианте 1895 г. (последний наиболее близок советскому тексту в плане передачи структурообразующего компонента, а именно латинизмов):

Открой сначала <...>, Что побудило первую чету ... Отречься от Творца, Его запрет Единственный нарушить?	«Скажи мнѣ прежде всего: что побудило нашихъ прародите- лей отпасть отъ ихъ Творца и преступить Его волю...»
---	---

[Мильтон, 1976, 26: 29, 31, 34–36]

[Мильтон, 1895, 10]

Непосредственное хронотопическое изменение, выражаемое латинизмом *moved* (лат. *movēre*) [ODEE, 594], реализуется при неодушевленном агенте – собственно «причине» (*cause*, лат. *causa*) [ODEE, 155]. Перед этим ни причина, ни следствие семантически не представлены.

Первичное состояние «первой четы» (объекта изменения) можно видеть в «Творце», с каковым герои (еще не явленные на сцене) пребывали. Уточнитель изменения («нарушить» или, в начальной версии, «преступить»), вытекающий из разрыва с этим «Творцом», в той же степени латинизм (part. pass. от *transgredior*), что и сам *Creator* (к part. pass. от *creāre*) [ODEE, 226, 936]. Обозначим выделенные лексемы порядковыми номерами, соответствующими появлению латинизмов в тексте поэмы:

Say first what cause⁴¹
Mov'd⁴² our grand⁴³ Parents⁴⁴... to fall off⁰⁴⁸
From their *Creator*⁴⁷, and *transgress*⁴⁸ his will...

Из причинно-следственной структуры текста невозможно исключить и единицу *to fall off*, однородную по отношению к *transgress*. Не являющийся латинизмом компонент обозначим совпадающим с глаголом «нарушения» номером и прибавим индекс «0» [Бортников, 267]. Получается полностью маркированная причинно-следственная цепочка, в которой к плану причины

относятся лексемы 41, 42, а к плану следствия – единицы 47, 48 (а также 048). Причина (*cause, move*) принадлежит, по-видимому, к плану прошлого (ср. время в глаголе «побудило»), а следствие может быть причислено как к прошедшему (грамматическое подчинение «причине»), так и к настоящему (инфинитив как так называемое главное время).

Категория времени определяется как главная по отношению к причине и следствию. По методике кодирования в русле контент-анализа, подчиненному параметру присваивается маркер Б (в отличие от главного А, например: «А1 категория времени»):

Б41 – Б42 → [Б43 + Б44] → Б47 – Б048, Б48,

где стрелками показано направление от причины к следствию, тире маркирует отношение действия и субъекта, запятая – отношения однородности. В квадратные скобки поставлена единица *grand Parents*, так как это объект причины и субъект следствия, это непосредственная перемычка между причиной и следствием (каковую можно поместить вообще над стрелками).

По описанным принципам построим коды переводных структур:

(1895 г.) ØБ41 – Б42 → [{Б43 + Б44}] → Б47 – Б048, Б48

(1976 г.) ØБ41 – Б42 → [Б43 + Б44] → Б47 – Б048, Б48.

В обоих переводах опущен эквивалент *cause* (символ Ø). Объединение единиц № 43, 44 в одну лексему показано в записи 1895 г. фигурными скобками. Структура имеет тенденцию к нарушению только в переносе объекта «воля» перед единицей Б48 (перевод 1976 г.), что вряд ли напрямую выражает причину, вызвавшую падение Адама и Евы.

Выявленный переход от причины к следствию позволяет поставить субъектов (Б43, Б44) в центр художественного времени – на стык прошлого и настоящего, случившегося и реализуемого.

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа : учебник для вузов. М. ; Екатеринбург, 2004.

Бортников В. И. Плотность тематической цепочки как категориальный определитель при контент-аналитическом кодировании первого монолога Вельзевула в поэме Дж. Мильтона «Потерянный Рай» // Кормановские чтения-2011 : ст. и матер. межвуз. науч. конф. Вып. 11. Ижевск, 2011. С. 264–269.

Мильтон – Потерянный Рай и Возвращенный Рай: Поэмы Джона Мильтона съ 50 картинами Густава Дорэ / пер. съ англ. А. Шульговской. СПб., 1895.

Мильтон Дж. Потерянный Рай. Стихотворения / пер. Арк. Штейнберга. М., 1976.

Milton J. Paradise Lost // Milton J. The English Poems. Oxford, 2003.

А. Х. Габдуллина

Челябинск

Японизмы в лексиконе современного молодого человека

Активное проникновение иностранных слов в современный русский язык является языковым отражением происходящих в мире глобализационных процессов и свидетельствует об углублении международных связей. В настоящее время русский язык переживает период активного иноязычного влияния не только со стороны английского, но и со стороны других языков, в том числе японского.

Среди японизмов, вошедших в лексикон современных молодых людей, можно выделить три основные группы: 1) общеупотребительные заимствования, применяемые для обозначения понятий и реалий, отсутствующих в российской действительности; 2) японизмы в языке геймеров (профессиональных игроков в компьютерные игры); 3) специфические заимствования и сленгизмы в языках молодежных субкультур.

Основной причиной заимствований, по мнению многих ученых, является отсутствие соответствующего понятия в когнитивной базе языка-рецептора. В этом случае новые слова заимствуются и входят в употребление при наименовании новой реалии, нового предмета, появившегося в общественной жизни, например: *караоке, тамаготи* ‘торговое наименование карманной электронной игрушки’, *суси, сасими, темпура, тофу, мисо, оригами, икебана, бонсай, карате, дзюдо, сумо*. Данные лексемы образуют производные на русской почве, становятся объектами сознательного употребления, например: *суси-бар (суши-бар)*, «пойдем в *сусечную*», «поедим *сусей*», «ну, ты и *каратист*», «толстый, как *сумоист*» и др.

Проанализировав лексику геймеров, мы пришли к выводу, что из японского языка чаще всего заимствуются термины, используемые в играх (*расенган, гамайюэндан*), и собственно названия игр и компаний-производителей (*тамаготи, Наруто, Марио, теккен, сега, нинтендо, бандай*).

К третьей группе мы отнесли заимствования, связанные с *аниме* (японская мультипликация), *манга* (комиксы), *дорама* (телесериалы), *косплеем* (субкультура, основанная на одевании подобно герою *манга, аниме, видеоигр*) и музыкой, употребление которых ограничивается сленгом сообщества *анимешников* (поклонников аниме).

Изначально лексикон *анимешников* представлял собой японские слова в английской транслитерации, чаще всего на интернет-сайтах, в руководствах для начинающих любителей японской мультипликации и *манга*. Однако постепенно, ассимилируясь в русском языке, эти единицы начинают функционировать не только на сайтах, но и в журналах, сначала в английской транслитерации, а затем и в передаче графическими средствами русского языка. В настоящее время нет практически ни одного молодежного издания, которое бы так или иначе не затрагивало японской тематики, о чем могут свидетельствовать различные журнальные заголовки: «Любовь зла – полюбишь и яойщицу» (Ня, 2011, № 18), «Cosplay – сделай сам» (Bravo, 2010, № 6), «Хараджюку-девочки атаковали саму Гвен Стефани!» (Oops, апрель 2008), «Япония – это родина не только суши и аниме, но и мегафантастического стиля fruits» (Yes, 2011, № 146), «Родина покемонов» (Мурана, 2010, № 10), «Когяру – кто они?» (Asiamaniac, 2010, № 2), «Атака отаку» (Elle Girl, 2008, № 57).

В лексиконе молодежи, помимо названий стилей аниме, манга (*кодомо* ‘для детей’, *сёдзё* ‘для девочек’, *сёнен* ‘для мальчиков’, *дзёсэй* ‘для девушек’, *сэйнен* ‘для юношей’, *спокон* ‘про спорт’ и др.) и терминов, относящихся к дизайну персонажей (*кемономими* ‘изображение персонажей с ушами животных’, *ахоге* ‘особенность дизайна персонажа: торчащая прядь волос, выбивающаяся из прически на макушке’), также можно выделить японские вкрапления. Например, *саёнара* (в «Словаре иностранных слов» Н. Г. Комлева зафиксировано как *сайонара* ‘до свидания, прощай’), *охаё* ‘привет’, *аригато* ‘спасибо’, *байто* ‘работа с неполным рабочим днем для студентов’, *хай* ‘да’, *со ка* ‘вот как? да ты что?’, *мата* или *дзямата* ‘пока’.

сумимасен, *гомен* ‘извините’, *гамбаритсья*, *гамбарюсь* ‘работаю, стараюсь’, *нани* ‘что’, *бака* ‘дурак’, *хонто?* ‘правда?’, *усо* ‘ложь’, *урусай* ‘замолчи’, *сенсей* ‘учитель’, *гайдзин* ‘иностранец’ и др.

Помимо вкраплений из японского языка поклонники аниме и манга употребляют в речи именные суффиксы, традиционно добавляемые к именам и фамилиям в японском языке, например: Катя-*сан*, Денис-*кун*, Маша-*тян*, Елена-*сама*.

Таким образом, мы наблюдаем развитие аниме-субкультуры, которое способствует расширению японской лексики в коммуникации российской молодежи. Проведенное исследование особенностей функционирования японизмов в языке молодежи позволяет выявить тенденции в сфере современных межкультурных контактов.

О. М. Гареева

Екатеринбург

Семантическая структура этимолого-словообразовательных гнезд

****gal-/ *gol-, *nag-, *lys-, *plex-/ *pleš-*
в русском языке***

Доклад посвящен диахроническому описанию лексической семантики этимолого-словообразовательных гнезд праславянских корней **gal-/ *gol-, *nag-, *lys-, *plex-/ *pleš-*, объединенных близостью исходных значений, см.: **golъ(jь)* ‘голый, гладкий’ < и.-е. **ghel-* ‘блестеть’; **nagъjь* родственно лит. *niogas* и лтш. *niōgs* ‘голый’; **lysъ* имеет соответствие в др.-инд. *rūsān-, rūśant-* ‘светлый, белый, блестящий, светящийся’ [ЭССЯ]; **plēx-/ *plēš-* < **pli(kh)-/ *ploi(kh)-* ‘порожний, голый, открытый’ [ЭСУМ]. Сходство семантики корней предопределило сходство семантической структуры образуемых ими этимолого-словообразовательных гнезд и, соответственно, моделей мотивации, представленных их дериватами.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

© Гареева О. М., 2011

В рассматриваемых гнездах можно выделить следующие обобщенные значения, задающие линии дальнейшего осмысления исходной семантики:

1) «лишенный растительного покрова» – например, *голый* ‘лишенный растительности’, *нагой* ‘то же’ [СРЯ XI–XVII вв.; СРЯ XVIII в.]; литер. *прогалина* ‘свободное от деревьев место, поляна или лужайка в лесу’, диал. *лысина*, *плешь* (*плешина*) ‘то же’, литер. *обнажить* ‘лишить растительности’, диал. *проголить* ‘вырубить лес, сделать реже’, *пролысить* ‘прокосить, немного, отчасти скосить (траву)’;

2) «не покрытый чем-л. (нерастительного происхождения)» – см., в частности, литер. *голый* ‘не покрытый одеждой, обнаженный, нагой’; диал. *плёший* ‘простоволосый; с непокрытой головой’, диал. *залысивать* ‘делать голым, обнажать’;

3) «выделяющийся по цвету на поверхности чего-л.» – литер. *залысина*, *пролысина* ‘пятно на лбу у животного белой или более светлой окраски, чем вся шерсть’, диал. *плешина* ‘родимое пятно’, *плёшка* ‘туча’;

4) «не содержащий в себе чего-либо инородного, чистый» (пример перехода от внешнего к внутреннему при описании объекта) – литер. *голый* ‘чистый, без примесей’ (*голый спирт*), ‘данный без необходимых дополнений, пояснений; неразработанный, неразвитый (о фактах, идеях и т. п.)’, *нагой* ‘то же’ (*нагая правда, истина*) [СРЯ XI–XVII вв.].

В таблице указано количество дериватов каждого корня, реализующих данные типы значений (приводятся под соответствующим порядковым номером).

№ значения Корень	1	2	3	4	Всего
<i>*gal-/ *gol-</i>	125	81	–	17	233
<i>*nag-</i>	9	78	–	3	90
<i>*lys-</i>	63	11	14	–	88
<i>*plex-/ *pleš-</i>	57	7	2	–	66
<i>Всего</i>	254	177	16	20	467

Специфика семантической «конфигурации» каждого из гнезд определяется совокупностью всех деривационных значений (причем не только обобщенных, но и частных), а также их частотностью. Из таблицы видно, что наибольшее число дериватов представлено в гнезде **gal-/gol-*, наименьшее – в гнезде **plex-/pleš-*. Среди значений по общей сумме репрезентантов и по количеству дериватов каждого из корней «лидирует» (1) «лишенный растительного покрова», на втором месте – (2) «не покрытый чем-л. (нерастительного происхождения)». Два других значения реализованы парами корней: (3) «выделяющийся по цвету на поверхности чего-л.» – **lys-, *plex-/pleš-*; (4) «не содержащий в себе чего-л. инородного, чистый» – **gal-/gol-, *nag-* с очевидным преобладанием дериватов **lys-* и **gal-/gol-*.

Для развития семантики во всех гнездах существенно различие типа «покрова» – растительный или нерастительный, которые модифицируются в зависимости от типа объекта (см., например, литер. *голый* 'бедный растительностью или лишенный растительности (волос, шерсти, перьев, листьев и т. п.)', *голый стол, стены, сабля*). Однако тип «покрова» может варьировать и применительно к одному объекту: например, литер. *нагой* 'голый, обнаженный, без одежды (о теле и частях тела)', 'неимущий, нищий', *обнажить* 'лишить чина, звания, имущества' [СРЯ XI–XVII вв.; СРЯ XVIII в.].

Следует отметить, что корень **gal-/gol-* оказывается наиболее продуктивным не только с точки зрения формальной деривации, но и семантической, о чем свидетельствует многообразие значений его производных, среди которых есть и весьма абстрактные (диал. *голымя* 'далеко', *голомя* 'давно') [подробнее см.: Гареева].

Сходную с гнездом **gal-/gol-* структуру имеет гнездо корня **nag-*, развитие семантики которого повторяет в своих основных звеньях семантическую эволюцию **gal-/gol-*, однако диапазон варьирования базовых значений здесь существенно меньше. Среди последних, кстати, преобладает значение «не покрытый чем-л. (нерастительного происхождения)», что отличает гнездо корня **nag-* от гнезд других корней (не только **gal-/gol-*), где доминирует «лишенный растительного покрова» (см. таблицу). Синонимия дериватов **gal-/gol-* и **nag-*, по-видимому, приводит к постепенному вытеснению из активного словарного со-

става языка производных второго из указанных корней (большинство их отмечены только в исторических словарях).

Особенность смысловой организации гнезд **lys-* и **plex-/pleš-*, помимо наличия значения «выделяющийся по цвету на поверхности чего-л.» (и отсутствия «не содержащий в себе чего-л. инородного, чистый», представленного в гнездах **gal-/gol-* и **nag-*), состоит в «локальности» обозначаемого дериватами признака, будь то белое пятно на лбу животного, лысина на голове человека или открытое место в лесу. Очевидно, именно это и препятствует развитию в данных гнездах абстрактных значений и, наоборот, способствует развитию образных номинаций: см. *шапочка-дунуть-плёшка* 'одуванчик', *плешка* 'шляпка гвоздя' (исконная этимология последнего – от корня **pleš-*, на наш взгляд, предпочтительнее версии о заимствовании из нем. *pflock* 'крепеж', *pflöcken* 'прикреплять колышками' или из норв. *pligg* 'колышек, деревянный гвоздь, клинышек') [ЕСУМ].

Гареева О. М. Семантическое развитие дериватов корня **gol!/*gal* в русском языке // Слово в традиционной и современной культуре : тез. межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 15 мая 2010 г. Екатеринбург, 2010. С. 23–25.

**К типологизации системных отношений
локальной топонимической системы
(на материале топонимии микрорегиона
д. Марьино Андомского сельского поселения
Вологодской области)***

Особое место в трактовке семантической стороны топонимического материала занимают факторы, связывающие топонимы в систему, которая, с одной стороны, является моделью географического пространства, с другой – обладает широким спектром синтагматических и парадигматических связей. Не стоит забывать и о способности топонима идентифицировать географический объект в сознании пользователя топонимической системы.

В докладе предлагается типология системных отношений топонимов микротерритории с опорой как на формальное выражение географического названия, так и на внутреннюю, собственно семантическую сторону. Желание совместить территориально-пространственное представление топонимической системы с ее языковой сущностью диктует выбор в качестве базовой для классификации оппозиции ландшафтных и собственно языковых (лексических) связей.

Ландшафтный вид системных отношений представляет собой структуризацию пространства как в географической «плоскости», так и в топонимической. Таким образом, он оказывается связующим между территориальной реальностью и топонимическим фондом. Системные отношения ландшафтного характера выявляются исходя из близости расположения объектов, которая может отражаться в языковом материале, а может и не иметь четкого языкового отражения. Например,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

три поля, расположенные цепочкой по мере удаления от д. Марьино, называются *Поляна Андрианых*, *Середняя Поляна*, *Загумённо Поле*, где название *Середняя Поляна* явно связано с маршрутным типом топонимической картины мира, когда субъект «предстает как быдвигающимся через пространство, это подтверждается выстраиванием объектов действительности в топоконтекстах» [Дмитриева, 69], и указывает на расположенность объекта с соответствующим названием между другими объектами. Косвенно и название *Загумённо Поле* также говорит о некоторой удаленности объекта от номинатора, движущегося из д. Марьино вдоль всех трех объектов. Основным критерием выявления ландшафтных отношений служит связь между географическими объектами (и, соответственно, между топонимами) в сознании местных жителей (что устанавливалось на основе данных, предоставленных информантами, опрошенными Топонимической экспедицией Уральского университета).

Собственно языковые системные отношения подразделяются на межтопонимические и внутритопонимические.

Внутритопонимические отношения возникают в частных случаях – это факультативный тип системных связей. Мы выделяем внутритопонимические отношения двух типов: синтагматические и вариантные. Синтагматические отношения в рамках одного топонима возникают в случае составных географических названий и представляют собой взаимодействие каждой из частей таких названий между собой. Например, в топониме *Красный Креж* отражены синтагматические отношения, выражающиеся в возможности синтаксического сочетания атрибутива *красный* с существительным *креж*. Вариантные отношения – это словообразовательные и фонетические разновидности топонима, функционирующие на одной территории равноправно или ограниченно. Примером фонетического варьирования могут служить топоним *Мосеево* с вариантом *Мысеево*, примером словообразовательного варьирования – топоним *Тудозеро* с вариантом *Тудо*.

Межтопонимические отношения отражают связи топонимов между собой – это основа топонимической системы. Мы выделяем несколько типов межтопонимических отношений: парадигматические (омонимические, антонимические, синонимические, мотивационные и как специфический тип отношений, присущий системам, состоящим из двуязычных

топонимических подсистем, корреляционные связи) и синтагматические, тождественные отношениям топонимов в «списке» (на карте).

Под антонимическими связями нами понимаются отношения противопоставления, заложенные в семантике конкретных имен собственных. Эти противопоставления могут иметь различные основания: географические особенности местности, специфика номинируемого объекта, важность различения нескольких географических объектов. Синонимические отношения – это вид отношений, связанный с изменчивостью топонимической системы и отдельных ее элементов с течением времени – под топонимическими синонимами понимаются варианты названия одного объекта. Омонимические отношения связывают схожие названия различных объектов (как правило, в границах макротерритории, так как появление омонимичных топонимов в пределах локальной системы нарушит выполнение функции идентификации того или иного географического объекта).

Мотивационные отношения – это отношения между названием, содержащим мотивирующую топооснову (первичным репрезентантом) и мотивированными ею топонимами. Например, *Кувшиново* > *Кувшиновское*, *Кувшиновские Поля*, *Кувшиновские*.

И, наконец, корреляционные отношения будут скорее дифференцировать топонимы, относящиеся к различным по языковому признаку подсистемам, нежели идентифицировать их. Это, как правило, субстратно-русские полукальки и кальки, дающие представления о функционировании конкретного топонима в рамках той или иной подсистемы, а также об употребительности русского или субстратного названия объекта: например, топоним *Кувручей*, являющийся вепско-русской полукалькой (фин., ижор., карел. *koivu*, вепс. *koiv(u)* ‘береза’ [SSA, 1, 386]), называет покос, на границе которого протекает ручей *Берёзовец*. Можно предположить, что название ручья – калька с вепского и что роль этой кальки – дифференцировать два названия, развести субстратную финно-угорскую и русскую номинации.

Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). Барнаул, 2002.

**Индивидуально-личностные смыслы
в структуре языковой личности
М. В. Панова**

В последнее время появляется много работ, посвященных описанию языковой личности (ЯЛ). Это объясняется тем, что в начале XXI в. в филологии на первое место выходит проблематика, связанная с изучением личности как носителя определенной речевой культуры.

Наша статья посвящена профессиональной ЯЛ ученого-лингвиста М. В. Панова. Выбор М. В. Панова в качестве объекта изучения обусловлен его уникальностью как носителя элитарной речевой культуры.

В основе исследования лежит концепция Е. И. Головановой о профессиональной ЯЛ. Под последней мы понимаем «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 2008, 156]. В ее структуре можно выделить три уровня: уровень профессионального сознания, вербальный и мотивационно-прагматический уровни.

В докладе нам хотелось бы остановиться на индивидуально-личностных смыслах, т. е. проанализировать наиболее значимые для М. В. Панова концепты, сформированные под влиянием социальной среды, научной деятельности ученого и национальной культуры. Под индивидуально-личностными смыслами мы понимаем такие ментальные образования, которые являются значимыми для М. В. Панова и необходимы для понимания его личности в целом, т. е. «устойчивые, базовые смыслы, определяемые принятой им системой ценностей» [Голованова, 2009, 11]. Профессиональная ЯЛ лингвиста проявляется в первую очередь в особом отношении к языку. Поэтому рассмотрим подробнее совокупность смыслов, в том числе аксиологических, которую ученый вкладывает в понятие «язык».

Язык для М. В. Панова не просто система, а живой, развивающийся организм. В текстах ученого мы встречаем огромное количество антропоморфных и зооморфных метафор. Так, например, в одной из своих статей М. В. Панов наделяет язык свойством, присущим только человеку – *языковой совестью*. Ученых, чья профессиональная деятельность связана с изучением, развитием и сохранением русской речи, он называет *опекунами русского языка*, характеризуя их опосредованно, через отношение к языку.

Нередко М. В. Панов приписывает языковой системе определенные социальные отношения. Язык наделяется качествами человека, занимающего определенное социальное положение: единицы системы способны вступать в социальные отношения друг с другом, управлять или быть управляемыми. По М. В. Панову, язык как член социальной стратификации обладает даже некоторыми *гражданскими правами*: имеет *право голоса, право выбора*, его *новшества узакониваются*.

М. В. Панов указывает также на широкие связи языка с другими науками. Это говорит, с одной стороны, о присущем ученому совершенном владении системой языка, а с другой – о его эрудированности, энциклопедизме. Так, М. В. Панов обнаруживает параллели между законами развития лингвистики и физики. Ученый легко переносит в лингвистику терминологию и методы из математики. Он часто использует цифровые и буквенные обозначения, составляет из лингвистических законов математические уравнения, используются также и геометрические понятия и образы. М. В. Панов стирает границы между отвлеченными гуманитарными и точными науками. Он одинаково хорошо владеет как логическим мышлением, так и образным, художественным, сочетая талант ученого и художника, поэта.

В статьях, посвященных развитию литературного языка в советскую эпоху, мы встречаем немало случаев использования военной лексики. Неоднократно употребляются такие специальные слова, как *борьба, разрушения, вторжения, смута, оттеснять, укреплять позиции, рецидивы* и др. Использование военной терминологии является прямой аллюзией на события, происходившие в нашей стране в период Октябрьской революции 1917 г. Так, он показывает, что реальные события жизни получают отражение в языке, процессы в языке повторяют процессы в обществе.

Подведем некоторые итоги. Безусловно, язык является для М. В. Панова одной из значимых концептуальных структур, которые не только мыслятся, но и переживаются. Язык в его работах предстает как многогранная сущность, имеющая связи не только с другими науками, но и с живым миром, и прежде всего с миром людей.

Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение. Челябинск, 2008.

Голованова Е. И. Словарь языковой личности Л. А. Шкатовой // Проблемы номинации и речевой коммуникации в профессиональной среде : сб. науч. тр. в честь проф. Л. А. Шкатовой. Челябинск, 2009. С. 10–49.

Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку : в 2 т. / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М., 2004.

Е. С. Золотова

Челябинск

Социолингвистические особенности языковой личности предпринимателя по данным естественной письменной речи

Под языковой личностью в исследовании понимается индивид, обладающий определенным языковым сознанием и способностью к осуществлению коммуникативных действий в конкретных социальных условиях. Предприниматели рассматриваются нами в качестве особой социально-профессиональной группы. Речевое поведение языковой личности предпринимателя находится под влиянием ряда взаимодействующих факторов социального и личностного плана, степень значимости которых различна.

Как отмечает Д. Б. Гудков, «каждая языковая личность уникальна, обладает собственным когнитивным пространством, собственным знанием языка и особенностями его использования» [Гудков, 49]. Социолингвистический подход к изучению рассматриваемого явления основан на том, что человек реализуется как языковая личность лишь в социуме, в процессе коммуникации. Согласно точке зрения В. В. Наумова,

языковой личностью является «носитель языка, способный реализовать в речевой деятельности некую совокупность языковых средств, характеризующих определенную часть языкового коллектива (социальную группу) в данный промежуток времени» [Наумов, 12].

Языковая личность реализуется в речевой деятельности через систему поступков, которую можно определить как вербальное поведение, являющееся своего рода индикатором личности говорящего. По вербальному (речевому) поведению можно судить об уровне общей эрудиции человека, особенностях его интеллекта, мотивации поведения и эмоциональном состоянии.

В трактовке языковой личности предпринимателя мы опираемся на определение Е. И. Головановой, в соответствии с которым под профессиональной языковой личностью понимается реализованный в речемыслительной деятельности тип личности, включающий в себя «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [Голованова, 156].

Материалом для анализа послужили тексты естественной письменной речи, созданные в профессиональной среде предпринимателей. Термином «естественная письменная речь» обозначается непринужденная, обиходно-деловая речь носителей языка, имеющая письменную форму [Лебедева]. Данный вид речевой деятельности характеризуется письменной формой, спонтанностью и естественностью исполнения (т. е. не предполагает специального обучения). Для естественной письменной речи в целом характерны содержательность, ориентация на информативность коммуникации, в отличие, например, от разговорных жанров, служащих целям фатического общения. Большая непринужденность и спонтанность естественной письменной речи способствует более свободному проявлению в ней личностного начала.

Для социолингвистического портрета предпринимателя релевантными оказываются следующие признаки: пол, возраст, место проживания, образование. Анализу были подвергнуты тексты естественной письменной речи 10 информантов (пяти женщин и пяти мужчин), проживающих на территории

Челябинской области. Возраст предпринимателей – от 29 до 52 лет. Семь человек имеют высшее образование, один – незаконченное высшее, у двоих информантов – среднее техническое образование.

Основу исследования составили материалы естественной письменной речи предпринимателей, включающие 10 бизнес-дневников, 57 стикеров и 48 записок с поручениями.

Проанализированные материалы можно разделить на две группы: 1) *а в т о о р и е н т и р о в а н н ы е* (тексты записных книжек; планы на день; перечни дел, составленные для себя; наброски замечаний или предложений по работе фирмы, сделанные на совещаниях); 2) *а л ь т е р о р и е н т и р о в а н н ы е* (адресованные подчиненным перечни дел; записки для секретарей; рукописные вопросы к докладчикам и пр.).

При установлении гендерных ориентиров личности каждого информанта, мы обращаемся к визуально-графическому анализу исследуемых материалов. Принимая во внимание паралингвистические параметры, отметим, что даже здесь у предпринимателей проявляются гендерные особенности: мужчины-предприниматели по преимуществу ориентированы на мужской образ, а женщины-предприниматели – на женский (за исключением одной информантки).

Анализ письменной речи в социолингвистическом аспекте был направлен на выявление признаков, которые маркируют языковую личность предпринимателя как особый социофессиональный тип.

Научный интерес представляли единицы социолекта, функционирующие в естественной письменной речи предпринимателей Челябинской области. Были обнаружены общие для данной среды (несмотря на гендерные различия) социолектизмы: *кидок* ‘заведомый обман’: «а кидок сначала закладывали?»; *карнавальн*ый (*карнавал* ‘неразбериха’): «карнавальный март», «карнавальная история»; *карусель*, *карусель*тс*я*: «карусель звонков», «каруселятся клиенты»; *люкс*, *люксовский* ‘самый лучший’: «люксовские условия кредитования», «люксовский состав», «люксоидный обмен»; *клеенка* ‘график запланированных работ на месяц’: «клеенка нам для чего?»; *кусок* ‘тысяча рублей’: «2 куса на канцтовары»; *голяк* ‘отсутствие клиентов’: «январь – голяк!!», «голяк уйдет в мае».

В рамках исследуемой группы выделена подгруппа мужчин-предпринимателей, речь которых изобилует вкраплениями армейского жаргона: «дембель», «сидит без кредита, как в танке наглухо», «Ионову наряд вне очереди» (о продолжении работы после окончания рабочего дня).

Проведенный анализ показал, что система языка не является однородной, каждый носитель использует его возможности в соответствии с особенностями индивидуального мышления, своеобразием речевой среды, в которой он развивался и проходил этапы социализации, спецификой выбранной профессии.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы о влиянии гендерной идентичности представителей данной социальной и профессиональной группы на отбор языковых средств и построение речевых высказываний. Можно констатировать, что гендерные стереотипы во многом определяют модели речевого поведения женщин и мужчин-предпринимателей.

При всем различии особенностей речевого поведения женщин и мужчин-предпринимателей, между ними обнаруживается много общего, что позволяет говорить о специфике данной профессиональной языковой личности. Например, типичное речевое поведение предпринимателя проявляется в лидерской позиции (большой процент Я-высказываний), употреблении общих для данной социально-профессиональной среды социолектизмов (*кидок*, *люкс*, *голяк* и пр.), одно из центральных мест в речи предпринимателей занимают глаголы конкретного действия: *платить*, *купить*, *торговать*. В грамматическом плане для естественной письменной речи предпринимателей характерны формы множественного числа нейтральной лексики: *кухни*, *точки*, *опоры*, *ставки*.

Голованова Е. И. Когнитивное терминоведение : учеб. пособие. Челябинск, 2008.

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.

Лебедева Н. Б. Естественная письменная речь: проблемы изучения. Барнаул, 2003.

Наумов В. В. Лингвистическая идентификация личности. М., 2006.

**Влияние рекламных роликов,
содержащих литературные элементы,
на современную молодежь
(по результатам экспериментальных данных)**

В современной ситуации падения интереса к классической культуре возникает мысль о том, как трансформируется отношение к ней с позиции реалий XXI в. Создатели рекламных роликов часто используют отрывки из литературных произведений для создания ярких, запоминающихся слоганов или броских наименований. Мы предприняли попытку проанализировать характер воздействия подобных приемов на современных потребителей рекламы. В данном исследовании рассмотрим влияние цитат классических литературных произведений в рекламе на испытуемых. Для этого сопоставим два примера рекламных роликов, недавно транслировавшихся по телевидению.

В качестве первого примера возьмем рекламу сотовой связи МТС, в которой использовалось стихотворение А. Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека...». Видеоряд этого рекламного ролика был мрачен, исполнен в серых тонах (что уже настраивало зрителя на депрессивное восприятие текста), лишал зрителя возможности его собственной интерпретации и вызывал привязку к конкретной картинке, не давал возможности собственного понимания метафорической структуры произведения. С одной стороны, благодаря этой рекламе часть молодежи знает текст стихотворения наизусть, что показывает положительный пример использования классических произведений в рекламных роликах, с другой стороны, литературное произведение стало ассоциироваться с рекламой сотовой связи МТС, а не с творчеством А. А. Блока.

Другим примером является реклама интернет-браузера Google Chrome. В своей рекламе создатели использовали части фразеологизмов, широко известных речевых оборотов, формул, фрагментов литературных произведений и т. д., сформулированных как запросы в данном интернет-браузере.

Текст рекламы: *Быть или...; Библиотека имени...; Какие наши...; Первый блин...; Семеро одного...; Куда уехал...; О, сколько нам...; Слезами горю...; Альфа и...; Бери быка...; Мой дядя самых честных...; Благими...; С легким...; Как с гуся...; E = ...; Кинг...; Прыг...; Пинг...; Тик...*

В этом рекламном слогане можно увидеть такое явление, как «психолингвистическое целое», что обозначает единство каких-либо словоформ с точки зрения лингвистики в сознании человека. Поскольку каждый из этих примеров имеет закреплённое в языке продолжение, подразумевается, что оно и должно возникать в сознании человека, когда он слышит или видит данные фрагменты. Для продолжения каждого из них нужно иметь определённый уровень знаний. Мы предлагаем рассмотреть степень понимания подобных рекламных роликов их целевой аудиторией, поставив эксперимент в трех группах испытуемых от 18 до 23 лет, в ходе которого им предлагалось продолжить данные в рекламе высказывания и отметить те, которые вызвали затруднения. Три группы респондентов: 1) студенты, обучающиеся на гуманитарных специальностях; 2) студенты, обучающиеся на негуманитарных специальностях; 3) молодые люди, не получающие высшего образования.

В ходе нашего эксперимента мы пришли к следующим результатам:

1. Студенты, обучающиеся на гуманитарных специальностях, с лёгкостью справились с продолжением большей части высказываний, кроме формулы $E = mc^2$, что ожидаемо, так как эта информация не входит в сферу их учебных интересов. Были также любопытные единичные случаи, когда испытуемые, не зная точного ответа, давали собственные варианты, например: *Бери быка... за яйца; $m^2 \times c$ или что-то в этом роде; О, сколько нам отведено; Альфа и бета.*

Один из испытуемых подошел к эксперименту творчески и дал собственное продолжение каждого фрагмента: *Быть или казаться?; Библиотека имени коня; Какие наши бабы?; Первый блин не последний; Семеро одного убьют; Куда уехал лифт?; О, сколько нам еще осталось?; Слезами горю; Альфа и самец; Бери быка и сваливай; Мой дядя самых честных грабил; Благими и глухими; С легким задом; Как с гуся долги; E = да; Кинг = Эдуард 4; Прыг-прыг; Пинг 13 секунд; Тик нервный.*

Также были расхождения в продолжении фрагмента *Библиотека имени...* Нам кажется, что это связано с тем, что студенты в основном называли ту библиотеку, в которой занимались сами. Можно сделать вывод о высоком уровне образованности и креативности студентов гуманитарных специальностей.

2. Студенты, обучающиеся на негуманитарных специальностях, затруднялись продолжить литературные фрагменты, особенное затруднение вызвал «О, сколько нам...», были такие варианты, как: *еще пить; еще сидеть; надо быть; еще дадут.*

Также в этой группе встречались орфографические ошибки в ответах, например *Альфа и амега.*

Таким образом, можно сделать вывод о том, что студенты негуманитарного цикла не всегда узнают отрывки литературных произведений и фразеологизмов, что, на наш взгляд, связано с низким уровнем общей культуры респондентов.

В этой группе испытуемых также нашлась творчески мыслящая личность, которая дала собственные интерпретации всех фрагментов: *Быть или гнить; Библиотека имени не даст; Какие наши, такие и ваши; Первый блин опасен; Семеро одного на помойке дожидаются; Куда уехал муж; О, сколько нам еще сидеть; Слезами горю горюю; Альфа и коты вместе не держи; Бери быка, пока он спит; Мой дядя самых честных бил; Благими делами не занимаюсь; С легким проблемы; Как с гуся перья обдирали; Е = ы; Кинг лайон; Прыг под вену; Пинг в каззе большой; Тик нервный.*

3. Молодые люди, не получающие высшего образования, испытывали значительные затруднения в продолжении предложенных фрагментов. Особые затруднения вызвали следующие: *Библиотека имени...; О, сколько нам...; Е =*

Все эти фрагменты относятся к областям углубленных знаний, что показывает низкую степень образованности данной группы респондентов. Также наблюдались затруднения в продолжении некоторых фразеологизмов, например *как с гуся пух*, что дает нам возможность сделать вывод о низком культурном уровне данной группы испытуемых.

Таким образом, на основании проведенного нами эксперимента можно сделать вывод о том, что использование культурных реалий в рекламе – явление неоднозначное, и имеет

как положительные, так и отрицательные стороны. В рамки целевой аудитории «продукта» попадают все три группы опрошенных нами респондентов, но, как мы убедились, не все обладают достаточной степенью образованности и общего кругозора, необходимого для понимания подобного типа рекламных роликов. Является ли продвижение данного типа полезным для возрождения культурных основ в современном мире, тоже вопрос спорный. Определенно лишь то, что часть аудитории проявит интерес к представленным в слогане литературным фрагментам и другим оборотам речи, поэтому, по нашему мнению, использование в современной рекламе фрагментов известных литературных произведений может оказать положительное влияние на потребителей данного рекламного продукта.

Е. Д. Казакова

Екатеринбург

Принципы построения словника в авторских словарях диалектоносителей*

Словари «местных» слов, составленные диалектоносителями, – пример комплексного проявления метаязыковой деятельности наивных носителей языка. В докладе анализируются 11 таких словарей, отражающих наивные представления и о системе языка, и о самом жанре словаря. Эталон словаря, на который ориентируются непрофессиональные лексикографы, – толковый словарь: авторские словари по преимуществу представляют собой списки слов с толкованиями их значений. В наиболее полных вариантах авторских словарей, помимо словарной части, иногда присутствует предисловие, объясняющее установки автора; в словарную статью, кроме толкования,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

включаются комментарии этнографического или исторического характера, этимологические догадки, размышления об условиях употребления данного слова и т. д.

Результаты лексикографической деятельности диалектоносителей могут представлять собой:

1) списки слов, включающие в себя в среднем 30–50 единиц. Они, как правило, не являются композиционно выстроенными и предназначены для «внутреннего пользования». Мы располагаем такими списками, переданными их составителями сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского университета в ходе полевой работы на Русском Севере и в Костромской области;

2) собственно толковые словари, включающие несколько сотен позиций и имеющие «словарную» композицию. Они могут стать известными широкому читателю по публикациям, подготовленным лингвистами (ср., к примеру, работы Е. Л. Березович, О. В. Вострикова, А. Б. Мороза). Реже диалектоносители сами подготавливают к печати свои тексты (см. словари В. К. Белобородова, Б. П. Плаксина).

Ядро наивной лексикографии – списки слов, составленные старожилами какой-либо местности. Они пишутся просто «для памяти» или, к примеру, по просьбе собирателей диалектной лексики. Для формирования словника в данном случае наиболее значимым является критерий старинности. Исходя из оппозиции «местное = старинное» / «городское = новое», составители включают в словари преимущественно лексику бытовой сферы, обозначающую «старинные» реалии деревенской жизни (*кошуля, полица, голбец, тюфяк*). При этом авторы недифференцированно приводят как широкоупотребительные диалектизмы (*вехоть, куть, ступни*) и факты литературного языка (*кадка, ушат, половник, короб*), так и диалектизмы узкого употребления (*палагушки 'чашки', осколубки 'щепки'*). В качестве «абсолютно старинной» в словари может попадать фольклорная лексика (*шелом, рать*).

Попадает в наивные словари и экспрессивная лексика: общенар. *егоза* ‘непоседливая девочка’, *клянчил* ‘просил, умоляя’, диал. *жегнул* ‘ударил’, *подлыгать* ‘насмехаться, дразнить’.

Значимым оказывается также критерий необычности внешнего оформления слова: *анипуг* ‘рычаг-палка для поднятия бревна’, *рундук* ‘возвышенность перед крыльцом или колодцем’ и др.

Несколько смещаются параметры отбора лексики в словарях, авторы которых отталкиваются от оппозиции «местное 1 – местное 2». В подобных случаях проявляется метаязыковая рефлексия, связанная с осмыслением междиалектной синонимии: в словарях иногда указываются различные обозначения одной и той же реалии, отмеченные в разных диалектах (*клеть* и *сельник*, *шаньги* и *колобы*, *бахары* и *ступни* и т. д.).

Помимо «классических» толковых словарей, в наивной лексикографической практике существуют словари, обогащенные дополнительными задачами, которые ставит автор. Условно назовем их «словарь-воспоминание» и «словарь-энциклопедия».

К типу «словаря-воспоминания» относятся, к примеру, словари Г. К. Венедиктова и В. К. Белобородова. Словарь Г. К. Венедиктова – пример совмещения опыта профессионального и «наивного» лингвиста. В словаре представлена лексика деревни Уличелы Зарасайского уезда Литвы, сохранившаяся в памяти автора с детских лет. В. К. Белобородов, родившийся в Сургуте и уехавший из родного города, в различных источниках отыскивает слова и выражения, знакомые ему с детства и важные для него. Так, в словарь включена терминология детских игр (*дождик*, *дождик*, *перестань*; *бери да помни*; *на драку-собаку*). Словари Г. К. Венедиктова и В. К. Белобородова реализуют попытку создать диалектный словарь, отталкиваясь не от оппозиции «старинное – новое», а, скорее, «детское – взрослое».

К типу авторских «словарей-энциклопедий», думается, можно отнести словарь Б. П. Плаксина, старожила города Бакал Челябинской области, насчитывающий почти 100 страниц. В словарь включены как факты нарицательной лексики, так и имена собственные: топонимы (*Салямкина тропа*, *Горбатая деревня*), этнонимы (*чудь*, *челдон*), антропонимы (*Манюня*, *Ефрем Сирин*), хрононимы (*Агрепины святая*, *Осенние Кузьминки*). Представлена лексика церковной сферы (*евхаристия*, *артос*) и лексика, характерная для советской эпохи (*лобогрейка-ЦЭПП*, *врун семиламповый*). По-видимому, совмещая в словаре три пласта лексики – этнографическую, «советскую» и религиозную, автор старается максимально полно реконструировать жизнь Бакала различных исторических эпох. При этом Б. П. Плаксин не противопоставляет свой говор какому-либо другому языковому идиому, а, скорее, комплексно представляет личный языковой опыт.

Семантические характеристики подзывных слов в русских говорах

В русских говорах функционирует группа лексики, почти не представленная в литературном языке. Это слова, которыми подзывают домашних животных. Особые подзывные слова (ПС) существуют для коров, лошадей, овец и т. п. Особенно активно подобные единицы используются для подзывания сельскохозяйственных животных. Это связано с тем, что данные животные содержатся в группах по несколько особей, не имеют собственных кличек; для привлечения внимания отдельной особи или всей группы в целом используются ПС, общие для данного рода животных [Жбанкова, 415].

Основной массой научных источников ПС квалифицируются как междометия. Соответственно, все характеристики ПС описываются исходя из качеств междометий, которые не имеют лексического значения. С этих же позиций рассматривается семантика данных единиц. Однако правомерно ли утверждать, что ПС не выполняют номинативных функций?

Н. В. Касаткин, например, утверждает, что ПС не лишены номинативного значения. Они обозначают, по мнению автора, само животное. *Кис-кис* – кошку, *куть-куть* – собаку, *цып-цып* – курицу [Касаткин, 145]. На различающуюся природу междометий и ПС указывает Г. В. Дагуров. Для него ПС – «это усеченные слова-обращения, которые ни по своему лексическому значению, ни по синтаксической роли не отличаются от тех полных существительных, с которыми обращаются к людям и животным» [Дагуров, 155–156]. Е. Н. Кандакова также говорит о наличии номинативных функций у ПС [Кандакова, 8].

С конкретным подзывным комплексом в сознании носителя языка связывается образ определенного вида животных. Этому способствует наличие номинативных единиц, сходных по своему фонетическому оформлению с ПС, например, *тпруко* – это шутовое название коровы, а *тпруко-тпруко* – ПС для коровы [ЯОС, 9, 113].

Сложность функционирования ПС связана с многоплановостью их семантики. Во-первых, происходит номинация животного; во-вторых, ПС выполняет императивную функцию. «Содержание оклика не ограничивается лишь привлечением внимания: отдается конкретная команда приблизиться, подойти. Реализуется она посредством как самой лексемы, так и особой подзывной интонации» [Кандакова, 9].

Совмещение двух планов семантики связано с тем, что ситуация общения человека с животным требует речевого сигнала, который был бы коротким, легким для восприятия животным и был бы удобен человеку для произношения. «Императивный план («иди(те) сюда!») для всех подзывных слов является величиной постоянной, а номинативный – переменной, в зависимости от подзываемого вида животного» [Там же, 10].

Переменный номинативный план при всех тематических различиях имеет общее основание: указание на то, что объектом воздействия оказывается животное, используемое человеком в хозяйственных целях. Предметность, заложенная в ПС (связь с обобщенным образом некоего домашнего животного), сближает данную единицу с существительным, а императивный план (команда приблизиться) – с глаголом.

Общность императивного плана позволяет объединять единицы, служащие для призыва животных, в единую группу, хотя они разнородны и включают в себя звукоподражательные слова типа *га-га* [АОС, 4, 19]; единицы, образованные от имен собственных типа *ленки-ленки* [СПГ, 1, 471]; слова, образованные от нарицательных имен существительных типа *гуси-гуси* [ПОС, 7, 94] и т. п.

Внутри группы ПС номинативный план содержания может образовывать семантические подгруппы, связанные с видом подзываемого животного. Е. Н. Кандакова выделяет 10 подгрупп ПС: для овец, коров, лошадей, свиней, коз, собак, кошек, кур, гусей, уток и индеек [Кандакова, 10]. Т. С. Жбанкова выделяет 11 подгрупп: для овец, свиней, кур и цыплят, гусей, уток, жеребят, коров, быков, кошек и собак [Жбанкова, 416–417].

Внутри подгруппы, адресованной определенному виду живых существ, возможно дополнительное тематическое деление, образующее ряды, противопоставленные друг другу по возрастным (взрослая особь – детеныш) и половым (самка – самец) признакам. Более важную роль играет тематическая

оппозиция, связанная с возрастом животного. Единицы, служащие для подзывания молодняка, встречаются в говорах чаще и присутствуют обычно в большем количестве. В пользу подобного утверждения говорит и то, что деление по половому признаку затрагивает только взрослых особей, для молодняка оно не актуально.

Таким образом, семантика ПС оказывается сложно организованной, сочетающей в себе императивный и номинативный планы содержания. Номинативный план подобных единиц многокомпонентен. Он включает в себя указание на то, что обращаются к домашнему животному, что животное принадлежит к определенному виду и, наконец, что подзываемое животное относится к определенной возрастной группе или полу.

Дагуров Г. В. О лексическом составе русских междометий // Славянское языкознание / под ред. В. В. Виноградова. М., 1959.

Жбанкова Т. С. Подзывные и подобные им слова в рязанских говорах // Уч. зап. Рязан. гос. пед. ин-та. Т. 25. Рязань, 1959.

Кандакова Е. Н. Подзывные слова как особая функционально-грамматическая группа : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль, 2003.

Касаткин Н. В. Смысл междометий // Уч. зап. Том. гос. пед. ун-та. Т. 11. Томск, 1954.

Е. С. Коган

Екатеринбург

К вопросу о национальной специфике: дети в якутской и русской фразеологии*

Русская и якутская культуры весьма различны по укладу жизни (у русских – оседлый, у якутов – кочевой), основному способу ведения хозяйства (земледелие и, соответственно, охота и скотоводство), религиозным воззрениям (христианство

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

и язычество). При этом территории, занимаемые якутами и русскими, несопоставимы по своему размеру. Обширность пространства, заселенного русскими, не могла не отразиться на культуре и языковом фонде народа. Поэтому рассматривается не русская фразеология вообще, а лишь фразеология русских говоров на территории Сибири, что приводит к почти сопоставимым объемам материала. Общность территории задает также «равенство» внешних условий (климат, животный и растительный мир, возможные способы ведения хозяйства и т. п.). При этом якутов можно назвать коренным народом для данной территории (считается, что якуты исторически являются выходцами из южных степей), русских же – пришлым, перенесшим в новые условия сложившийся ранее культурный фонд. Представляется важным и значимым проследить взаимодействие культур, а также сохранение и изменение культурной памяти у русских сибиряков.

Существует ряд сфер, общих, пожалуй, для всех культур. Одной из них является жизненный цикл человека и его часть – детство. В этом случае интересно пронаблюдать, какие именно характеристики в данной семантической группе выделяются народом как наиболее значимые, какие существуют сходства и различия в разных языках (и, соответственно, разных культурах) и при помощи каких образов они описываются.

Можно выделить две группы характеристик ребенка, которые отмечаются во фразеологии: биологические и социальные. К биологическим относятся возраст, очередность рождения, описание физических свойств. К социальным – статус (законнорожденный или нет, родной или приемный), поведение.

Биологические характеристики отмечены, в основном, в якутском языке: *ньирэй оһо* ‘младенец’ (букв. «теленек-дитя»); про ребенка, который еще не может ходить, говорят *көтөх оһото* «охапка ребенка». Последний ребенок называется *оһоһос түгэһинээһи оһо* (букв. «дитя со дна живота»). Чем-то схожий образ сохранен в русском *заскребыш*, где проявляется модель «слепленного» человека: последний ребенок «создается» из остатков, которые «заскребают». В «дитя со дна живота» нет идеи «слепленности» человека, но есть тот же образ остатков. Во фразеологизме *тоһоһо туураар оһо* (букв. «дитя, снимающее колья») отражаются национальные особенности: в старину якутские женщины рожали, сидя на корточках и держась руками за кол, воткнутый в пол юрты.

Таким образом, последний ребенок «снимает», убирает этот кол, который становится отныне ненужным.

В русском языке отмечается внешний вид ребенка: *с курицами клевался* 'о ребенке с грязным носом', *как в мешке родился* 'о хилом, худом ребенке'.

Понятие «незаконнорожденный ребенок» имеет в русском и якутском языках разные способы выражения: в русском языке это, в основном, лексический способ, название одним словом, содержащим яркую образную характеристику, чаще по месту зачатия (*заугольник, подзаборник, крапивник* и т. п.). Фразеологизмы же представляют своеобразное объяснение того, как ребенок появился на свет: *телега ехала, с нее и упал; ветром надуло*. Для якутского же языка лексикализация данного понятия как раз не характерна и представлена только одним словом *булунньу* 'нагулыш'. Зато фразеологическая образность подчеркивает их чуждость «нормальному» укладу:

– территориальную: *толоон оһото* (букв. «ребенок долины»). В данном случае подчеркивается, очевидно, что он был рожден не там, где принято: для того чтобы родить его, матери потребовалось скрыться, уйти из дома в долину. При этом, возможно, данное название не несет негативного отношения, поскольку долина воспринимается якутами как благое, хорошее место;

– религиозную: *чүөмпэһэ сүрэхтэммит* (букв. «крещенный в пруду»), *чэһөчөктөрүн хаардаабыт* (букв. «молившийся пню»);

– «сущностную»: *туун төрөөбүт* (букв. «родившийся в ночь»). Поскольку ночь – время нижних духов абаасы, можно, вероятно, предположить, что незаконнорожденный ребенок не причисляется к людям, а считается существом, принадлежащим миру этих недобрых нижних духов. Этот и предыдущий аспекты восприятия объединяются в выражении *абааныга сүрэхтэммит* 'крещенный абаасы'.

Фразеология русских сибиряков дает еще одну характеристику социального статуса ребенка, не представленную в якутском языке, – приемный ребенок: *с травочки взять* 'взять на воспитание ребенка со дня рождения'. Данное выражение, вероятно, является заимствованием из якутского языка. В нем отражен вышеописанный способ родов, когда ребенок рождается на подложенную под роженицу траву.

Таким образом, в общей сфере (детство) двумя народами выделяются разные актуальные понятия. При этом понятие может быть рассмотрено с разных сторон: незаконнорожденный ребенок у якутов описывается с точки зрения социальной чуждости, а у русских – с точки зрения появления на свет.

Н. С. Кочнева

Тюмень

**«Говорящие» имена как средство создания
ономастической игры
в произведении В. П. Крапивина
«Стража Лопухастых островов»**

Имя собственное с «прозрачной» семантикой – важный инструмент в построении образа персонажа. В отношении фантастической литературы для детей это положение особенно актуально, ведь «говорящие» имена, обладающие прозрачной внутренней формой, позволяют юному читателю сквозь призму языковой игры распознать авторский замысел, увидеть скрытые смыслы. В. П. Крапивин активно использует в своем творчестве приемы ономастической игры. И это не случайно, ибо ономастическая игра, ориентированная, прежде всего, на творческое восприятие текста, активизирует ассоциативные структуры имени собственного. Такие исследователи, как Т. А. Гридина, В. З. Санников и др., подчеркивают, что игровой потенциал онома высвечивает не только мотивации автора-номинатора, но и способствует развитию креативного мышления читателя.

Роман-сказка «Стража Лопухастых островов» (2002) насыщен «говорящими» именами, при этом реальный ономастикон (корреспондент Ю. Бдительный, чиновник М. М. Нечитайлов, литературный критик Марионелла Ромашкина, депутат губернской думы Э. Э. Стоерасов и др.) противопоставлен ирреальному – сказочному, фантастическому (колдунья Ядвига Кишишовна Тышкевич-Загорская, гусь Казимир Гансович, ночная птица Уаха, ручейковый квам по имени Речная Ставрида, город Малые Репейники, улица Коленчатая, Полынный переулоч, лекарство «Антибредин» и др.).

В тексте произведения В. Крапивина потенциал «говорящего» имени реализуется по-разному. На фонетическом уровне ономастическая игра проявляется через своеобразную аллитерацию, через повторение отдельных звуков и звукокомплексов: *м-м* в антропониме *М. М. Нечитайлов*, *э-э* в антропониме *Э. Э. Стоерасов*. Ср. в тексте романа-сказки: «*Э-э... в настоящий момент... а-а... исходя из того, что стабилизация конкретной ситуации... э-э... еще не в полной мере... а-а...*» (из выступления депутата *Э. Э. Стоерасова*). В ряде случаев автор использует ассонансную организацию текста, например, повторение глухих шипящих и свистящих звуков, создающих атмосферу таинственности, например, когда речь идет о колдунье, современной бабе Яге: «Ее звали *Ядвига Кишишовна*. То есть *Кристовна*, но у поляков «*эр*» часто говорится как «*ша*»... Оказывается, она и с бабушкой *Настей* была знакома! – вспомнил *Ига*. – Та говорит: «*Шишишовна*». И далее в тексте: «...есть подходящая поварешка. Почти волшебная. Наша бабушка рассказывала, что эту поварешку ее бабушке в детстве подарила одна колдунья, которая была родом из Польши...». Таким образом, «говорящее» имя в тексте произведения получает также фонетическую интерпретацию.

Наиболее ярко мотивированность «говорящего» имени проявляется на семантическом уровне через сеть ассоциативных связей. Так, «говорящее» имя *Э. Э. Стоерасов* ассоциируется с фразеологизмом *дубинасто еросовая* в значении «крайне тупой, глупый человек, болван». Комический эффект слова усиливается за счет включения в антропонимическую структуру имени и отчества *Эраст Эрнестович*. Этимологические данные позволяют связать *Эраст* с прилагательным *прекрасный*, *Эрнест* – с прилагательными *честный*, *благородный*; *серьезный*, *строгий*. Все это, в свою очередь, дает возможность говорить об антропонимическом столкновении «высокого» и «низкого» смыслов, ярко высвечивающих смеховое начало в трактовке данного образа.

Для понимания авторского замысла важным является интерпретация других ономастических конструкций, взаимосвязанных на уровне текста. Так, обыгрывается антропонимический «тандем»: корреспондент *Ю. Бдительный* – чиновник *М. М. Нечитайлов*. В ситуации, когда бдительный корреспондент высказывает свои опасения в газете, а чиновник,

призванный «реагировать», ничего не читает, антропонимы усиливают авторскую позицию.

Имена собственные, встречающиеся в романе-сказке «Стража Лопухастых островов», не являются замкнутой системой, изолированной ономастической надстройкой. Напротив, имя включено в структуру произведения, вплетено в ткань текста. Так, значимость онима подчеркивается заголовочным контекстом: *Лопухастый остров*. В тексте произведения отчетливо проявляются взаимосвязи онимов и апеллятивов: *Лопухастый остров* – *лопухастые уши* – *честное лопухастое* – *лопухи* («Сквозь бугристый асфальтовый тротуар там и тут пробивались лопухи»). Другой значимый топоним *Малые Репейники* (название города) связывается с ономастическими и апеллятивными конструкциями: *Генка Репьев* – «*Репьевская классическая*» (водка) – «*Нечего, мол, на уши нам репы цеплять*» – *репивет* (привет) – *репей* («Генка Репьев достал из торчащих волос репей»). Включенность в другие ряды высвечивает иные глубинные ассоциации, например *Малые Репейники* – *Лопухастые острова* – *Ново-Груздево* (большой губернский город). Так, *репейники*, *лопухи* (мальчишки, дети) ассоциируются с молодой, непрактичной «зеленой природой» в отличие от «*новых груздей*» (взрослых, чиновников), имеющих явную практическую значимость. Указанные ряды являются пересекающимися: *Малые Репейники* включаются в структуры с идеологическим содержанием, ср.: «А Малые Репейники так и остались с прежним именем. Правда, одно время они назвались Красноармейском...». В этом случае отражаются уже иные смысловые составляющие. Таким образом, «говорящие» имена – неотъемлемый элемент романа-сказки В. П. Крапивина «Стража Лопухастых островов».

Пространственный код в лексико-фразеологическом поле «Обман»*

В докладе анализируется русская диалектная лексика и фразеология, входящая в состав семантического поля «Обман»: слова со значениями вербального обмана ('лгать, врать', 'клеветать', 'сплетничать'); обмана действием ('мошеничить', 'изменять в любви'); обмана, допускающего различные способы осуществления ('обманывать, вводить в заблуждение'). В основе этих лексических единиц лежат разные концептуальные коды, в том числе пространственный, в состав которого входят не только характеристики пространства и указания на его части, но и обозначения разных способов перемещения по нему. В элементах пространственного кода отражаются точки зрения участников ситуации обмана.

Перемещение субъекта обмана в пространстве происходит, как правило, непрямыми путями, неупорядоченно: яросл. *плусить* 'говорить бессмыслицу, путаться в словах, лгать' (← 'ехать не той дорогой, плутать'), новг. *плутать* 'хитрить, лукавить', яросл. *блудить языком* 'лгать', яросл. *кружить* 'врать; болтать'; ср. также лексику из сферы любовных измен: курск. *колесить*, новг. *забираться в блудню* 'изменять жене', тюмен. *мотунистый*, краснояр. *расхожий* 'нарушающий супружескую верность'. Субъект обмана получает характеристику, выраженную, к примеру, в яросл. *вихлястый* 'лживый, нечестный', а его действия обозначаются с помощью слов вроде новг. *блудня* 'плутовство'. Траектория движения является знаком соблюдения или несоблюдения человеком норм морали, причем показателем отступления от них оказывается отклонение от прямого пути или движение по кривой траектории, ср. также общенар. *сбить (совратить) с пути*,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо-этнолингвистическом освещении»).

идти кривой дорожкой, идти обходными путями 'прибегать к хитростям для достижения чего-л.', *без пути* 'зря, напрасно'.

Пск. *объехать на кривых оглоблях* 'обмануть, перехитрить кого-л.', содержащее негативную оценку за счет указания на кривизну, можно сравнить с общенар. *на кривой не объедешь, на кривой козе не объедешь* 'не обманешь, не проведешь кого-л.'. Эти выражения М. В. Жуйкова связывает с идеей магического круга, по которому обводит человека нечистая сила [Жуйкова, 303]. С. М. Толстая считает, что здесь подразумевается не «круговое», а «состязательное» значение глагола *объехать*: субъект обмана не может так легко, «на кривой», «объехать», т. е. обмануть, кого-либо [Толстая, 288]. В то же время сибирский фразеологизм *загнуть, что на добром коне не объедешь (не увезёшь)* 'наговорить много неправдоподобного, наврать' дает возможность предполагать здесь и идею движения «в обход»: сказанного так много и оно так неправдоподобно, что его «не объедешь» и «не увезешь».

Объект обмана (человек или «замещающий» его орган перцептивной или интеллектуальной деятельности) тоже может перемещаться в пространстве, но не по своей воле, ср. перм. *волочить за долгий нос*, пск. *наводит за нос* 'обманывать, дурачить кого-л.', перм. *за ухо провести* 'обмануть'. В некоторых случаях также актуализируется мотив искривления, в частности кручения, ср. пск., неодобр. *голову накружить* 'сбить с толку, ввести в заблуждение кого-л.', перм. *крутить мозги* 'обманывать, вводить в заблуждение кого-л.', общенар. *обвести вокруг пальца* 'обмануть, перехитрить кого-л.'. Подчиненность чужой воле усиливается мотивом слепоты, ср. морд. рус. *наводит слепого (слепых) на брёвна*, карел. *слепую бабушку на бревно наводит* 'обманывать, лгать'.

В пространственных образах, передающих представления об обмане, отражается также оппозиция «свой – чужой». При этом пространство выступает как неоднородное, членимое на различные с точки зрения восприятия человека области. Оппозиция «свой – чужой» разрабатывается главным образом в номинациях измен в любви, в которых измена образно осмысливается как уход из «своей» территории, ранее освоенной тем, кто изменяет, с тем, кому он изменяет, и освоение «чужой». В языке отмечается внеположенность чужой территории объекту измены (сиб. *ходить за стороной* 'быть неверным в браке',

морд. рус. *хлынуть по сторонам* 'изменить жене', перм. *чужбинкой заниматься* 'изменять в супружестве' и др.), граница между территориями (новг. *скакать за óсек* 'изменять мужу, жене', ср. *óсек* 'изгородь, забор'), а также возможность перехода с одной территории на другую (новг. *сделать мост* 'нарушить верность').

Пространство может выступать как поле для перемещения продуктов обмана – сплетен. Для номинаций со значениями 'сплетничать', 'сплетник' важна идея распространения, так как сплетня всегда проходит через цепочку ее распространителей. Эта идея выражается глаголами «транспортировки» и отглагольными лексемами, ср. ниж.-печор. *кляузы разносит* 'сплетничать', сиб. *вести переносить* 'то же', алт. *враница идёт (пошла)* 'распространяется ложный слух о ком-л., о чем-л.', сиб. *славу пропустить* 'распространить дурные, порочащие слухи о ком-л.', яросл. *передатчица* 'сплетница', яросл. *пронóсный* 'любящий распускать слухи, сплетни'. Шутливое сопоставление сплетен со специализированным способом передачи информации – почтой – отражен в новг., яросл. *сарафанная почта* 'женские пересуды'.

Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов. Луцьк, 2007.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

Названия рыбных и безрыбных озер в топонимии Белозерья*

В топонимической номинации названия, производные от обозначений различных видов рыб, наиболее типичны именно для озерной гидронимии, поскольку содержат прагматически значимую информацию: определенные породы рыб «закреплены» за специфическими видами озер. Названия, указывающие на наличие/отсутствие рыбы, рассматриваются на материале русских и субстратных лимнонимов Белозерья, извлеченных из картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ), при этом учитывается география названий и их происхождение.

В лимнонимах Белозерья представлены названия следующих видов рыбы: *ёриш, карась, лещ, линь, окунь, сиг, сорога* и *щука*. Для русских по происхождению лимнонимов наиболее популярны идеограммы 'карась', 'окунь' и 'щука', для субстратных – 'окунь' и 'плотва'.

Все зафиксированные ТЭ *Карасьи* озера (*Карасье, Карасья Лужа*) расположены в северо-западной части региона – возможно, это связано с качеством местной озерной воды, в которой могут жить только караси, ср. *карасье озеро* 'без проточной воды, более или менее сильно заболоченное; в таких озерах может жить одна рыба – карась'. В русских лимнонимах данная основа весьма популярна, а в субстратной топонимии она вообще не отмечена¹.

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

¹ Свое обозначение карася есть только в финском и эстонском языках, карельское слово заимствовано из русского языка, а в вепском данная идеограмма вообще не представлена. Карась, по-видимому, не особенно популярен в прибалтийско-финской промысловой культуре: возможно, это объясняется низкой оценкой вкусовых качеств этой рыбы.

Название *окуня* (*Окунёвец, Окунёво, Окуневье, Окунье, Окуньёвое, Окуньково, Окуньковое, Окуньозеро, Окунь*) представлено в русской и субстратной лимнонимии Белозерья почти повсеместно, со значительным количественным перевесом северо-запада региона. Ареал соответствующей основы в субстратных лимнонимах указывает на ее вепсское происхождение: *Агвенозеро, Агнозеро, Ахнозеро*, ср. фин., ижор., карел., люд. *ahven*, вепс. *ahven, ahñ*, эст. *ahven* ‘окунь’.

Название *сороги (плотвы)* отмечено в русской топонимии восточной части региона (*Сорожье*) и в субстратной топонимии западной: *Саргозеро, Сергозеро, Сиргозеро, Сяргозеро*, ср. фин., ижор., карел. *särki* ‘плотва’, люд. *šärg(i)*, вепс. *särg*, эст., лив. *särg* ‘то же’, а также саам. йжг. *sirrk* ‘то же’.

Названия *щуки* представлены в русских лимнонимах (*Щучье, Щучьи Ямы*) почти повсеместно. Ту же внутреннюю форму имеет современный вепсский лимноним *Haug'järv* (вепс. *haug* ‘щука’ и *järv* ‘озеро’) и его параллельное название, представляющее собой полную кальку первого, – *Щукозеро*. Вероятно, в субстратных названиях основа с этим значением также присутствовала, но в современных записях такие топонимы не отмечены (возможно, из-за прозрачности внутренней формы они легко переводились).

Название рыбы *лещ* получило отражение как в русской (*Лещёво*), так и в субстратной топонимии: *Лазгозеро, Лазнозеро, Лахмолохта*, ср. фин., ижор., карел., вод. *lahna*, люд., вепс. *lahn* ‘лещ’. В русской топонимии идеограмма ‘лещ’ представлена и в названии *Коростель*, ср. ильмен., волхов. *коростель* ‘мелкий лещ’.

Название рыбы *линь* отражено в названиях *Линёво* и *Линьозеро (Линь)*. Однократно отмечены названия *ерша* – *Ёршозеро (Ерши)* – и *сига* – *Сигручей*, ср. фин. *siika*, ижор. *sika*, карел. *siika*, люд. *šig*, вепс. *sig*, вод. *sika*, эст. *siig*, лив. *sig* ‘сит (*Coregonus*)’.

Кроме топонимов, указывающих на определенный вид рыбы, фиксируются названия, образованные от гиперонима *рыба*. Вероятно, они появляются на фоне безрыбных озер и/или призваны обозначать озеро, в котором обитает несколько видов рыбы. «Рыбные» озера представлены как в русской, так и в субстратной топонимии: на западе региона – *Рыбное, Рыблехта, Рыбозеро; Калазерко, Калозеро*, ср. фин., ливв., эст. *kala*, люд., вепс, вод. *кала* ‘рыба’; на востоке – *Колозеро*,

Кулово, ср. прасаам. **kōlē*, сев. *guolle*, Колтта *kue' ll*, Кильдин *kū' ll* 'рыба'. Признак наличия рыбы может быть выражен иначе: *Меевное*, ср. арх. *меевá* 'всякая мелкая рыба'; оз. *Удёбное*, ср. кем. *удёбный* 'благоприятный для рыбной ловли'.

Признак отсутствия рыбы также отражается как в русской (*Безрыбное*), так и в субстратной топонимии: *Калтозеро*, *Колдам*, *Кольдема*, ср. вепс. *kalatoi* 'безрыбный'. Кроме того, в диалектной системе существуют дополнительные способы выражения данного признака, например с помощью прилагательных *глухой* и *пустой* – оз. *Глухое*: «Потому что рыбы остальной нету, одни караси живут», ср. влг. *глухой* 'безрыбный (о водоеме)'; оз. *Пустое*: «Одно пустое, в другом одна щука». Признак 'безрыбный' может быть выражен и с помощью эмоционально-оценочных прилагательных – *Мёртвое*: «Рыбы там не водится, карасей запускали, но что-то не любят, гады, потому и не живут»; «Ничё в ём не водится»; *Худое*: «Водилась одна сорога, вот и Худое»; *Чёртово Озеро*: «Там чудится, большое оно, там рыбы нет».

Проведенное сопоставление русских и субстратных названий Белозерья позволяет отметить ряд интересных деталей: отсутствие в субстратной топонимии «карасьих» и «щучьих» озер; ареальное распределение русских и субстратных обозначений сороги, образующих соответственно восточную и западную зоны. В названиях рек рассматриваемые «рыбные» основы на данной территории не встречаются – для рек оказываются значимыми другие номинативные признаки.

Кто такой *езбик*?*

Лексема *езбик* достаточно широко распространена на Русском Севере: из 24 районов Вологодской области она зафиксирована в 21, из 19 районов Архангельской области – в 11. Слово зафиксировано в «Словаре русских народных говоров» со значением ‘барсук’ [СРНГ, 8, 326]. Также есть вариант *язвец*, имеющий общеславянский ареал: укр. *язвець* ‘барсук’, др.-рус. ‘барсук’, чак. *jàzbaц*, род. п. *jàzбаца* ‘барсук’, др.-чеш. *jezevec* ‘барсук’, мор. *jazovec*, слов. *jazves*, польск. *jaźwiec*, кашуб. *jòze*, н.-луж. *jazw*, *jaz* ‘барсук’ [Фасмер, IV, 550]. Говоры Русского Севера дают более широкий спектр фонетических вариантов: *езбик*, *езвик*, *езвец*, *езжвец*, *езвиц*, *езвиг*, *езвич*, *язвик*, *язвец*. Наиболее распространенными являются варианты *езвик*, *езвец* и *язвец*. Первоначальной, вероятно, следует считать форму *язвец*, ср. праслав. **jazvъ*, **jazvьсь* ‘живущий в норе’, от **jazva*, **jazvina* ‘пещера’ [Там же].

Хотя на общеславянском уровне лексема вполне однозначна (это обозначение барсука), Топонимической экспедицией Уральского университета наряду с ‘барсук’ зафиксировано еще несколько значений этого слова: ‘енот’, ‘росомаха’, ‘бобр’, а также ‘мелкий зверек’, ‘лесной зверек’. Последние два значения вполне объяснимы условиями полевых сборов: названия животных, как и птиц, грибов, растений, оказываются в этом отношении весьма проблемными, поскольку зачастую информант не может дать литературный эквивалент названия, а приводимая им характеристика объекта недостаточна для точного соотнесения с определенной реальией. Стоит учитывать также то, что и информант, и собиратель могут быть недостаточно компетентны в области флоры и фауны.

Все остальные значения заслуживают рассмотрения. Значение ‘барсук’ фиксируется намного чаще, чем все другие,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо-этнолингвистическом освещении»).

и подтверждается контекстами: «Езвец он в земле живет, ямы, норы роет, по-литературному вроде барсук» (Арх, Карг, Медведово); «Барсука езвцем зовут иногда еще» (Влг, Тот, Кормакино). Значение 'барсук' угадывается в некоторых других контекстах, хотя оно и не определено собирателем, ср.: «Езвик – такая полусобака, живет в норках, на ножках низеньких, мясо у него лечебное» (Арх, Уст, Конановская); «Езвцы, наверно, из породы кабанов, они как поросята, мясо их на лекарство идет, езвцы живут в норках»; «Езвец шерстью серенькой, в норах живет, у него лечебно сало» (Влг, Ваш, Харбово); «Езвец есь, на него охотились, у ево лечебно сало» (Арх, Котл, Ваганово). Под данные описания вполне подходит барсук: его местообитанием являются норы, сало славится своими целебными свойствами, он небольшой по размерам, на коротких лапах. Уподобление кабану возникло, вероятно, на основе того, что у барсука жесткая шерсть и довольно грузное туловище.

Контексты к значению 'енот' в полевых материалах также заставляют думать о барсуке, ср.: «Язвец как поросенок в норе, по-научному-то енот» (Влг, Кад, Бор); «Езвец был, ловили, с полосочками такой» (Арх, Кон, Красково). Очевидно, информант не различает этих двух животных.

Значения 'росомаха' и 'бобр' сопровождаются контекстами, указывающими на особенности именно этих животных, ср.: «Езвиг – это такая розомага, коров царапат» (Арх, В-Т, Феофановская); «Езвец в реке живет, нос у ево лопатой, раньше так называли, а сейчас бобрами зовут» (Влг, Кир, Чарозеро).

Логично было бы предположить, что *езвик* на разных территориях обозначает разных животных, но каждое из значений зафиксировано в тех же районах, что и значение 'барсук'. Скорее всего, в народном сознании образ норного неуклюжего животного не дифференцируется (интересно, что и этимология праславянской лексемы указывает именно признак 'живущий в норе'), он легко «прикладывается» к ряду сходных объектов. О нечетком различении говорят и данные литературного языка, ср. *барсук* 'хищное животное сем. куньих, с неуклюжим телом, острой мордой и длинной шерстью' [ССРЛЯ², 1, 350]; *енот* 'хищный пушной зверек с темно-желтым густым мехом' [Там же, 5–6, 339]; *росомаха* 'хищное млекопитающее сем. куньих с длинным грубым

мехом' [Там же, 12, 1470] – ни один из выделенных в дефиниции признаков не является дифференцирующим. В этой связи толкование 'лесной зверек' может оказаться наиболее точным, поскольку именно таково представление носителей языка о том, кто такой *езбик* – какой-то зверек, который живет в лесу, в норе, остальное неясно и, в конечном счете, неважно для диалектоносителя.

Характерно, что контексты, четко определяющие барсука, как правило, содержат указание на целебность барсучьего сала (мяса), т. е. на определенную практическую ценность зверя – именно этот факт формирует четкое представление о барсуке и влечет за собой точное значение лексемы.

С. С. Михалищева

Екатеринбург

К семантической интерпретации русского диалектного *парга* 'кровь'*

Слово *парга* 'кровь' фиксируется в «Словаре русских народных говоров» с пометой «сев.-двин.». Русским говорам известны также лексемы *парга* и *паргá* в других значениях. Они отмечены в Вятской, Челябинской, Оренбургской, Пермской, Красноярской, Вологодской, Новосибирской, Архангельской областях. Значения объединены семей «мелкий, точечный, каплеобразный» и условно делятся на несколько смысловых блоков:

1) ткань, полотно, материал (волог. 'отходы от ниток, пряжи, пыль', арх. 'отходы при обработке льна', костр. 'мелкие катышки на одежде');

2) атмосферные явления (костр. 'туман, испарение, поднимающееся от дождя', 'теплый туман после дождя'). Ср. также Киров., костр. *паргáн* 'туман': данное слово, ввиду его семантического и формального сходства с *паргá*, следует, очевидно,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

рассматривать в гнезде последнего. В этом случае исход лексемы *парган* можно объяснить взаимодействием с рус. литер. *туман*. При этом неясен вопрос о связи киров., костр. *паргáн* 'туман' и костр., волог. *пангáр* 'туман'. Их формальное сходство и семантическое тождество обращает на себя внимание, но вопрос о происхождении слова *пангáр*, являющегося, вероятно, заимствованием, должен изучаться отдельно;

3) пыль, пыльца (арх. 'мелкая мучная пыль', костр. 'цветочная пыльца').

Кажется, в этимологической литературе нет исследований, в которых рассматривается весь диапазон значений слова *паргá*. М. Фасмер возводит это слово к чув. *párga* через коми *parga* 'клочок льна', но коми-зырянское слово считают заимствованием из русского.

При решении вопроса о происхождении *пáргá* имеет смысл рассматривать это слово на фоне гнезда *пергá*, которое семантически и формально близко: литер. *пергá* 'корм пчел в виде цветочной пыльцы', моск. 'перхоть', сиб. 'налет, сыпь на коже у маленьких детей'; ср. также польск. *piertzga* 'цветочная пыльца', укр., блр. *перга*, блр. *пярга* 'то же', др.-рус. *перга* 'недозревшие и подсушенные хлебные зерна' и др. Слово *пергá* восходит к праслав. **pъrga* 'то, что отделяется, обсыпается', которое, в свою очередь, возводится к и.-е. **pъrgati* 'шелушиться, расстрескиваться, обсыпаться'; при этом **pъrg-* связан генетически с **pъrx-*, ср. *перхоть* [Варбот, 24]. Как мы видим, данные слова связаны не только общей семой «порошкообразности» или «каплеобразности», но и обладают идентичными значениями 'цветочная пыльца' и 'отходы от ниток, пряжи, пыль'. Особенно интересным здесь представляется значение 'цветочная пыльца'. Как указывает С. М. Толстая, связь обозначений крови и названий процессов вегетации растений является очень прочной, о чем свидетельствуют производные «вегетативных» корней **kras-* и **květ-* [Толстая, 123–124]. «Кровяные» значения **kras-* и **květ-* выражаются в арх. *красу́ха* 'кровь из носа', свердл. *цветное*, укр.-полес. *кветки на рубахе*, блр. *жэньски цвэты* и др. 'menses'. В основе «кровяных» значений слов *цвет* и *краса* и их производных лежат не «поверхностные» метафоры, а глубинные смыслы, относящиеся к сфере производительных сил человека, поскольку кровь осознается показателем вегетативной силы [Там же, 122–125]. Слова *парга* и *перга* обнаруживают подобные семантические связи

(ср., кстати, костр. *краска* ‘пчелиная перга’). Кроме того, не стоит также забывать и о внешнем сходстве крови на поверхности тела (густеющей и быстро сворачивающейся капельками) и пылицы, пыли, мелких отходов от ниток и пр.

Таким образом, можно утверждать, что *парга* и *перга* связаны отношениями семантического параллелизма: это доказывается наличием у этих слов сходных семантических парадигм. Более того, формальная близость этих слов делает возможной постановку вопроса об их контаминации.

Наконец, столь высокая степень сходства звукового оформления позволяет нам высказать – пока с изрядной долей осторожности – предположение о родстве слов *pargá* и *pergá*. На праславянском уровне реконструируется вариативность корня **pъrg-/ *pъrg-* [Варбот, 25], что может дать в русских говорах чередование *perg-/porg-/narg-* (последний вариант с учетом аканья). Однако данный вопрос требует отдельного исследования, которое мы надеемся провести в дальнейшем.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XV // *Этимология*. 2000–2002. М., 2003. С. 23–28.

Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.

М. Ю. Перминова

Екатеринбург

Неофициальная топонимия Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте

Социальная среда воздействует на язык и на речевое поведение людей. Соответственно, городская неофициальная топонимия неоднородна по своему составу. Она складывается из нескольких лексических групп, специфика которых определяется социальной и возрастной принадлежностью носителей языка. Эти топонимические подсистемы можно назвать своего рода «жаргонами» в составе городской топонимии.

Целью данной работы является изучение возникновения и функционирования неофициальных топонимов в различных социальных группах на примере топонимии Екатеринбурга. В ходе работы были изучены неофициальные наименования линейных и точечных объектов города с точки зрения использования данных наименований жителями в зависимости от их возраста, увлечений, круга общения. Источником материала являются интернет-форумы, а также записи разговорной речи горожан¹.

Анализ неофициальной топонимии позволил выделить специфику топонимических микросистем, носителями которых являются: автомобилисты, представители неофициальных молодежных объединений, жители отдельных микрорайонов (в том числе так называемая дворовая молодежь). Также свою специфику имеет неофициальная топонимия, носителями которой являются люди старшего и младшего поколений. Рассмотрим каждую из групп подробнее.

Широко представлена неофициальная топонимия в речи автомобилистов. В первую очередь, это названия наиболее оживленных улиц, трасс, магистралей, ср.: *Инженерка* (ул. Инженерная), *Медиков* (ул. Медицинская), *Вишенка* (ул. Вишневая), *Агидель* (ул. Белореченская), *Дорога жизни* (ул. Альпинистов, единственный выезд из микрорайона Химмаш на Кольцовский тракт), *Россельбан* (Кольцовский тракт). В основном автомобилисты используют топонимы, образованные путем словообразовательного изменения официального наименования, и в меньшей степени – образованные с помощью ассоциативных связей.

В речи жителей отдельных районов широко представлена микротопонимия, максимально детально описывающая территорию проживания, при этом топонимы, известные жителю одного района, редко употребляются в речи жителей других частей города. Ср.: *Басик* (спортивный комплекс «AVS Кристалл», Химмаш), *Стопятка* (СОШ № 105, Химмаш), *Серёга* (памятник С. Орджоникидзе, Уралмаш), *Туберкулезка* (противотуберкулезный диспансер, Пионерский поселок) и др.

¹ В работе использован материал, собранный в рамках практикума (зимний триместр 2011 г.) студентами 2 курса Екатеринбургской академии современного искусства.

Специфика «районной микротопонимии» заключается и в использовании имени нарицательного в качестве имени собственного: например, в разных районах города *Парком* называют парк им. Павлика Морозова, ЦПКиО им. Маяковского, Осовинский парк и т. д. Говоря о топонимии дворовой молодежной субкультуры, можно отметить, что неофициальные наименования получают такие объекты, как дома, дворы, переулки, арки: *Пятьдесят восьмой*, *Шестьдесят второй* (дома № 58, 62 по ул. Советской); *Семера* (дом № 7 по ул. Сыромолотова), *Двор Дружбы* (двор, находящийся в пер. Дружбы, Уралмаш). Таким образом, неофициальные топонимы в отдельном микрорайоне могут образовываться путем словообразовательного изменения официальных названий, при помощи ассоциативных связей, по наименованию ключевого объекта, по аналогии с прежними названиями ключевых объектов, а также просто по номеру дома.

Иная ситуация прослеживается при анализе топонимов в речи людей, объединенных общими интересами. Независимо от места проживания, представитель неформальной культуры Екатеринбурга знает о существовании таких мест, как *Труба* (подземный переход на Плотинке), *Плита* (сквер на пр. Ленина), *ГО* (Площадь Оборона), *Башия* (недостроенная телебашня на ул. Декабристов). Скорее всего, это связано с относительно небольшим числом представителей данной субкультуры: вследствие сравнительной немногочисленности «неформалам» удобнее общаться в определенных, ключевых для данной субкультуры, точках города.

В свою очередь, роллеры и скейтеры также используют в своей речи топонимы, относящиеся к объектам, расположенным в разных частях города: *Драма* (площадка около театра Драмы), *Бивис / Бивис и Батхед* (площадка напротив памятника основателям города), *Упишка* (площадка напротив главного входа в УГТУ-УПИ), *Горыныч* (аллея около памятника воинам-спортсменам). В данном случае причины распространенности относительно небольшого числа топонимов заключаются скорее не в количестве людей, предпочитающих активный отдых, а в том, что подобные виды спорта накладывают определенные требования на территорию. Существует также «студенческая микротопонимия», включающая в себя названия учебных заведений, распространенные среди учащихся вузов, ср.: *Горный* (УГГУ), *Радик* (здание радиотехнического факультета УГТУ-УПИ).

В языке людей старшего поколения присутствуют такие наименования, как *универсам «Мария»* (сегодня – ТЦ «Гринвич»), *Колхозный рынок* (квартал ул. Радищева – Сакко и Ванцетти – Малышева – Шейнкмана), *Дворец Пионеров* (усадебный Харитоновых-Расторгуевых). Указанные топонимы сохраняют память об объекте, находившемся прежде на данной территории.

Процесс возникновения неофициальных топонимов далеко не всегда является очевидным и предсказуемым. В городском пространстве появляются новые объекты, названия которых обыгрываются в речи горожан. Неофициальная топонимия позволяет людям из определенных социальных групп понимать друг друга, а также свидетельствует о стремлении жителей города придать знаковым объектам черты уникальности.

С. С. Плотников

Екатеринбург

О характеризующем потенциале литературного онима (к фамилии главного героя повести Ф. М. Достоевского «Двойник»)

Объектом данного исследования является оним *Голядкин*, фамилия главного героя повести Ф. М. Достоевского «Двойник». Характеризация этого персонажа в произведении осуществляется, помимо прочих средств, за счет использования словообразовательных и ассоциативных связей его фамилии. Рассмотрим эти связи.

В словообразовательном отношении фамилию *Голядкин* можно связать с диалектным словом *голядка* 'неимущий человек, бедняк' [СРНГ, 6, 350], от которого она может быть получена с помощью обычного в русском фамильном антропонимиконе форманта *-ин*. Таким образом, внутренняя форма фамилии содержит указание на неудовлетворительное материальное положение персонажа. Это связано с низким социальным статусом героя: он, как известно, титулярный советник, т. е. обладатель одного из низших чинов в действующей на момент написания повести чиновничьей иерархии.

Отметим, что вопрос материального благосостояния чрезвычайно волнует героя. Но еще более он озабочен своим социальным статусом. Яков Петрович всеми силами пытается оказаться своим в обществе статского советника Берендеева и его окружения. Но вместе с тем он испытывает душевный трепет перед людьми, которые находятся выше него на социальной лестнице.

Растерянность и страх проявляются у Голядкина не только по отношению к его начальству, но и практически к любому, кого встречает главный герой. Можно сказать, что подобная робость является одной из доминирующих черт характера титулярного советника. Персонаж ощущает себя слабым, беззащитным перед агрессией других людей. Следовательно, идея бедности и бесправности, явленная в фамилии главного героя, может быть истолкована в качестве психологической характеристики персонажа.

Впрочем, характеризующей силой обладает не только апеллятив *голядка*, с которым непосредственно сопоставляется фамилия, но и все элементы словообразовательной цепочки *Голядкин* < *голядка* < *голяда* < *голь* < *голый*, восстанавливаемой в результате анализа. Слово *голяда* в «Словаре русских народных говоров» трактуется так же, как слово *голядка*, т. е. «неимущий человек, бедняк» [СРНГ, 6, 350]. Слово *голь* в том же словаре имеет значение «бедность, нищета» [Там же]. Мы снова видим возникновение таких смыслов, как «обедненность», «обнаженность», «голь» героя. Можно говорить о духовной обедненности персонажа. В начале произведения герой посещает доктора Рутеншпица и пытается изложить ему свои взгляды на жизнь, нравственные установки, но речь его постоянно сбивается, а в конце своего монолога он и вовсе начинает плакать, чувствуя свое бессилие, невозможность ясно высказаться. Подобные сцены встречаются и далее, а в конце произведения Яков Петрович становится предметом осмеяния целой толпы гостей, собравшихся на приеме у Олсуфья Ивановича Берендеева, начальника господина Голядкина. Герой понимает, что потерпел нравственное поражение перед лицом власть предержащих и не сопротивляется, когда его увозят в сумасшедший дом. Таким образом, оним *Голядкин* маркирует и проблематику духовного, нравственного состояния человека, которая, безусловно, отражена в произведении.

Немаловажен для характеристики персонажа уменьшительный суффикс *-к-*, присутствующий в фамилии героя. Он отсылает к богатой традиции предшествующей Достоевскому русской классической литературы в изображении так называемых маленьких людей. В образе Голядкина, тоже принадлежащего к данной когорте людей, типизируются многие черты поведения представителей чиновничьего сословия.

Итак, фамилия характеризует героя повести посредством нескольких приемов. Во-первых, задействуется внутренняя форма фамилии, т. е. осознаваемая читателем ее словообразовательная связь с апеллятивом *голядка*, благодаря чему мы можем охарактеризовать имущественный и социальный статус героя. Во-вторых, благодаря наличию в фамилии героя компонента *гол-* у читателя неизбежно возникают формально-ассоциативные связи со словами *голь*, *голый* и т. д. Тем самым подчеркивается и материальная, и духовная обнаженность героя, а также его духовная обедненность. В-третьих, суффикс *-к-* в фамилии главного героя отсылает читателя к традиции изображения в русской литературе «маленьких людей». За счет этого организуется определенный фон восприятия героя и акцентируются существенные черты его образа. Указанные приемы ономастической характеристики явно скоординированы, и их совокупное действие приводит к смысловому резонансу, когда номинативная единица четко фиксирует наличие смысловых узлов «маленький», «бедный», «беззащитный», в значительной степени определяющих восприятие героя читателем.

**Обряд хождения с вертепом: региональная
культурная и языковая специфика
(на материале архива В. И. Пономарева,
Лальск, XIX в.)***

Бытование обряда хождения с вертепом в заштатном городе Лальске до начала XX в. отражено в материалах песенно-вокального архива В. И. Пономарева, уроженца Лальска. Тексты, относящиеся к лальскому святочному обряду хождения с вертепом, включают духовные стихи, канты, песни, колядные песни, стихотворения, былинку «Сокол-корабль». Имеется также несколько тетрадей нотных записей, две иллюстрации вертепного ящика, описание обряда.

Описание обряда хождения с вертепом изложено в статье И. С. Пономарева, отца В. И. Пономарева. Статья подробным образом иллюстрирует местную специфику обряда. Также мы имеем печатные варианты описания обряда из архива В. И. Пономарева, описания параллельного обряда «хождения со звездой», фольклорного и вокального репертуаров «хождения» и информационные добавления В. И. Пономарева к описанию обряда, отражающие его эволюцию на территории Лальска.

Сам обряд хождения, по материалам архива, представляет собой вечерний обход ярко освещенных домов несколькими людьми, более или менее искусными в пении, в период от Рождества до 1 января (по ст. ст.). Прежде чем делать обход, певцы зажигают свечу в вертепе. Подойдя к дому, один из певцов спрашивает у хозяина: «Не угодно ли с вертепом?» – и, получив согласие, все начинают петь, за что по окончании получают различную плату.

По свидетельству И. С. Пономарева, «Вертеп – это больших размеров фонарь, иногда до 2½ аршин высотой и от 1½

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

аршин шириной, имеющий вид церкви с куполообразной крышей; в середине крыши возвышается нечто вроде шпица, оканчивающегося звездой довольно больших размеров, около 1¼ аршина в диаметре».

Вертеп, который описывает В. И. Пономарев, имел несколько иной вид: «Он был меньше размером и проще по конструкции. Он состоял из двух стоящих один на другом прямоугольных параллелепипедов – большого снизу, меньшего сверху. На верхнем параллелепипеде покоилась четырехугольная усеченная пирамида, на которой возвышалась звезда», «звезда была шестиконечная» (вертеп по чертежу И. С. Пономарева имел семиконечную звезду). В. И. Пономарев отмечает, что вся конструкция вертепа претерпела изменения в сторону упрощения и уменьшения, что свидетельствует о том, что обычай «хождения с вертепом» уже к 90-м гг. XIX в. начал изживать себя.

Относительно времени и места появления обряда в Лальске В. И. Пономарев высказывает предположение, что, «вероятно, он зародился в стенах малых духовных училищ, которые были открыты в 1740-х годах в Тотьме, Лальске, Сольвычегодске и Яренске, вслед за славяно-российско-латинской школой для детей духовенства, открытой в 1738 году в Устюге и через год преобразованной в духовную семинарию». Само происхождение обряда связывается с польской традицией, которая через Малороссию и Белоруссию проникла в Россию через культуру духовных училищ. Текстовые данные подтверждают предположение о польских истоках традиции. О польском влиянии говорит и В. И. Пономарев, приводя в качестве примера стих радости, исполнявшийся во время хождения, который заканчивается польским восклицанием «Виват, виват! Многая лета!». Исследователь пишет, что «не случайно здесь оказывается восклицание, так как известно, что в XVIII веке в Московской Руси чувствовалось культурное влияние Украины, а через нее – Польши».

Песенный репертуар обряда хождения с вертепом в Лальске имел свою специфику. В. И. Пономарев отмечает, что «основой вокального репертуара хождения были духовные стихи, составленные представителями церкви, однако по мере распространения этого обычая в его вокальный репертуар стали проникать и другие вокальные жанры: коляды, канты и даже народные песни, а также былина “Сокол-корабль” в качестве коляды».

Тексты песен обряда обнаруживают ряд специфических лингвистических и культурных черт. Традиционные канты и духовные стихи сохраняют специфическую церковнославянскую лексику (*осанна радость, велегласно, свиряющий, прощи, аки* и др.), консервируют фонетические и морфологические черты церковнославянского характера (*на многая лета, петельнаго, вси языцы* и др.). Именник, используемый в текстах, избирателен относительно христианской традиции и, наряду с использованием имени главного лица канонических текстов – Иисуса Христа, он включает имена персонажей, не относящихся к его ближайшему окружению (*Иаков, Елисей, Николай Чудотворец* и др.). Необычна структура былины «Сокол-корабль», в которой присутствует припев «*Винограде красно-зеленое*», что превращает былинную коляду. В фольклорных текстах встречаются загадочные наименования мест и персонажей (*поле Воронково, Хруцев, Бурбонов дом*). Народные песни обряда включают местную топонимию и гидронимию (*Т-ма городок, Лукиха, поселок Поташиное, Песья речка*), антропонимию (*Иван, Мириньяна, Настасья, Филиппушка*) и диалектную лексику (*конопель, воскуяровый, волохнист*).

Е. В. Попова

Екатеринбург

Об исчезнувших текстовых идеограммах слов *грань, грань, grano* и их производных*

Причины возникновения и исчезновения лексем и даже целых этимолого-семантических гнезд в системе языка могут быть обусловлены как внутренними, так и внешними причинами. Иногда идеограммы, обслуживаемые рядом однокоренных слов (обычно имеющих общий мотиватор в рамках гнезда), уходят из языка, будучи вытесненными другими – узкоспециальными терминами или имеющими иную

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо-этнолингвистическом освещении»).

когнитивную природу. Такие изменения связаны прежде всего со сменой культурных парадигм.

В древнерусском языке¹ отмечены лексемы *грань* 'двѣ черты наперекрестъ X': «Въ такомъ смыслѣ слово грань употребляется въ писцовых книгахъ, какъ знамя на бортномъ ухажьи и т. п.» и *граница* 'terminus' [Срезневский, I, 584–585]. Очевидно, именно значение 'зарубка на дереве, обозначающая границу владений' обусловило появление в языке следующих идеограмм для слова *грань*: 'часть, раздел (в книге)' [СРЯ XI–XIV вв., 2, 385–386]; 'буква под титлом, имеющая цифровое значение' [Там же, 4, 124], 'сарут, кеφάλαιον, titulus, τίτλος' [Срезневский, I, 585]. Эти значения сохраняются вплоть до XVIII в: 'раздел книги, глава, параграф' [СРЯ XVIII вв., 5, 223]; 'въ книгахъ: глава, отъдѣленіе' [САР, II, 322], а у Даля находим еще более разработанную идеограмму: 'в арифметике: каждое отделение в три цифры, для удобнейшего произношения написанного числа' [Даль, I, 390]. Идеограммы с более специализированной семантикой отделения частей текста обнаруживает и слово *граница*: 'слово, буква под титлом; обозначенное буквами (в таблице пасхалий) число дней между 21 марта и днем пасхи' [СРЯ XI–XVII вв., 4, 123], а также сочетание *азбѣка граница* [Срезневский, I, 585].

Похожие значения развивают и слова *грань* 'стихъ, versus, στίχος' («Омирьскыи грань (στίχος)») [Срезневский, I, 585] и *грано* 'стихъ, versus' [Там же, 585]; 'буква, начинающая стих, строку'; 'буква под титлом с цифровым значением, нумерующая раздел, главу'; 'глава, раздел' [СРЯ XI–XVII вв., 4, 124]. Многозначность данного слова, его особая морфологическая выделенность обусловили появление этимологического микрогнезда с указанной семантикой: *гранесие* 'стихотворная строка, стих; церковный стих, песнопение'; *гранесловие* и *гранесословие* 'церковный стих, песнопение', 'пение церковных стихов'; 'сочинение, составленное в честь кого-л., похвальное слово'; *гранесловити* и *гранесословити* 'петь церковные стихи'; *гранесословник* 'название книги, сочинения сложного состава, членимого на разделы, главы,

¹ Данное значение могло возникнуть и, скорее всего, возникло на более ранней стадии общеславянского языка, в тех диалектах, которые раньше обрели письменность, ср. н.-луж. *grana* ж. р., *grai* ж. р. 'строка' [ЭССЯ, 7, 104–106].

стихи'; *гранестроchie* 'стихотворная строка, строфа' [СРЯ XI–XVII вв., 4, 123].

Как нам представляется, данные слова (и идеограммы) впоследствии были вытеснены из языка благодаря целому комплексу когнитивных и внеязыковых процессов. С одной стороны, сама смена технологии репродуцирования текста, переход к книгопечатанию постепенно привели к появлению более узкоспециализированных идеограмм для обозначения визуальных границ текста на странице (таких как разделители, колонтитулы, виньетки, астериски и др.), и не только в горизонтальном расположении отдельных строк. С другой стороны, изменилось само композиционно-смысловое восприятие членимости текста: для обыденного сознания графический аспект восприятия текста вытесняется на периферию сознания (поэтому становится поэтическим приемом). Со-размерность абзацев и параграфов, стройность выравнивания акростиха имеют теперь второстепенное значение. (Это еще раз подтверждает, что чтение книг становится предметом именно обыденного сознания, а не элитарного – особо отмеченного фактором владения грамотой.)

Таким образом, комплекс идеограмм графического разделения и выделения текста слов *грань* (*граница*), *грань* и *грано* под воздействием социокультурных и когнитивных механизмов был вытеснен из русского языка рядом как прямых заимствований (для узкоспециальных терминов), так и калек (например, для обозначения более сложных композиционно-смысловых единств). Лишь в речи старообрядцев, т. е. локально и религиозно обособленных носителей русского языка, сохранилось слово *гранёсиё* 'стихотворная строка в старообрядческих канонах' [Мосеев, 54], но и здесь, оно, видимо, подверглось семантической трансформации: само слово *строка* в современном понимании имеет значение не только композиционно-графического, но и звукового единства.

Монах в зеркале русской языковой и фольклорной традиции*

В докладе рассматриваются русские диалектные (реже общенародные) лексемы, образованные в результате семантической деривации от слов *монах*, *инок*, *калогер* (устар. 'монах, почтенный старец'), *чернец*, а также фразеология и паремиялогия с участием данных слов. На основе этих фактов предпринята попытка составления этнолингвистического портрета монаха.

Главной особенностью внешнего вида монаха, отраженной в языке, стала его необычная одежда, которая обладает двумя признаками: черным цветом (устар. *чернец* 'монах'; *чернее монаха не будешь*; литер. *монашка* 'ночная бабочка из семейства волнянок с черными полосами и пятнами на крыльях и брюшке', калуж. *монах* 'голубь очень темной окраски', морд. рус. *монашка* 'пластинчатый черный гриб из семейства груздей') и простотой, будничностью (литер. *одеваться монахиной* 'одеваться скромно, неброско', карел. рус. *монахом* 'одевшись просто, не по-праздничному'). Не остаются незамеченными в языке и характерные головные уборы монаха и монахини – клобук и платок (*не всяк монах, на ком клобук*; волог. *платок монашкой* 'платок, завязанный концами назад').

Характерная поза монаха во время богослужения отражена в названиях прямостоящих предметов: карел. рус. *монах* 'укладка зерновых или технических культур на поле, состоящая из 18 снопов', *монашка* 'ромашка'. В последнем случае на развитие значения повлияло и фонетическое сходство слов *ромашка* и *монашка*. Вероятно, образное преломление представлений о позе монаха стоит усмотреть и в карел. рус. *монах* 'длинная бутылка с красным вином', тул. *монах* с *рысой*

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

‘четвертная бутылъ с вином’, но здесь следует учитывать и другие мотивирующие возможности: в монастырях часто изготавливалось и хранилось вино; можно предполагать и ироническое переосмысление обряда причастия (ср. просто-реч. *причащаться* ‘выпивать’).

Поэза во время богослужения осмысляется и в динамическом ключе: монах неподвижен (карел. *что монах палеостровский* ‘неподвижно, замерев на месте’), но вместе с тем бьет поклоны, что проявляется в признаке возвратного движения (пск. *монахи* ‘спусковое устройство в водоеме: опускающиеся и поднимающиеся вертикальные щиты’; *Лежит монах в крутых горах; выйдет наружу, кормит верных и неверных* [жернова]).

В образе монаха есть и речевая составляющая: новг. *монашиться* ‘вести разговор в толпе’, перм. *калагирь* ‘шутник-старичок; рассказчик-старичок’.

Необходимость строгого следования нормам монашеской жизни стала причиной для возникновения представления о неискреннем, лицемерном поведении монахов: ворон. *монашиться* ‘прикидываться монашкой; лицемерить’. С этим же связано отраженное в паремиологии представление о начале праведной монашеской жизни только перед смертью: *Хватился каяться монах, как уж смерть в головах; И черт под старость в монахи пошел*.

Значимая деталь образа – безбрачие монаха: карел. рус., костр., пск. *монах* ‘неженитившийся мужчина, холостяк’, пск. *монашка* ‘незамужняя женщина’; ср. также приметы: *Монах (монахиня) на свадьбе зловец для молодых; Чернец и черница всякую свадьбу портят*. Ироническое переосмысление представлений об обете безбрачия привело к появлению новг. *монашить* ‘гулять с девушками’, пск. *монаха вызывать* ‘играть в игру с поцелуями’.

Другая важная характеристика образа жизни монаха – уединенность, затворничество: калуж. *замонашиться* ‘начать удаляться от общества, начать вести монашеский образ жизни’, карел. рус. *инок* ‘о том, кто живет в лесу, скрываясь от властей’, пск. *жить как чернец* ‘шутл.-ирон. о чьей-либо одинокой, скромной, без всяких развлечений и излишеств жизни’, ставроп., самарск. *калагурка* ‘женщина, уединенно живущая в отдельной избушке, занятая молитвами и постом’. Отсюда могло возникнуть представление о недружелюбии монаха: влг. *калагирь* ‘капризный, заносчивый, недружелюбный человек’.

С затворничеством связана и ассоциация удаленности, присутствующая в языковом образе монаха: карел. *к монаху* ‘прочь, подальше’, пск. *ну тебя (его, их) к монаху* ‘как выражение раздражения, недовольства кем-н.’. Экспрессивность данных фактов обусловлена амбивалентностью восприятия духовенства, наделявшего в народном сознании многими отрицательными характеристиками. Контекстным партнером монаха может быть *черт (бес)*, ср. в паремиологии: *Беси плачут, как иноки алчут; Черт монаху не попутчик (его монах проведет)*. В последнем примере отражается представление о хитрости монаха. В то же время отмечается в языке и его рассеянность: карел. рус. *монах* ‘неловкий, рассеянный человек, разиня’.

Д. С. Соломеина

Екатеринбург

К этимологии праслав. **šьja* в свете русских лексических данных*

В современном русском языке существует множество слов, имеющих затемненную или стертую внутреннюю форму. Таким словом, например, является лексема *шея*.

Этимологи (М. Фасмер, П. Я. Черных, Л. В. Куркина) считают, что это праславянское по происхождению слово (**šьja*) производно от глагола **šiti* с реконструируемым первоначальным значением ‘ворот(ник)’ [Фасмер, IV, 434–435; Шведова, 1106], ‘пришитая часть одежды, облегающая затылок и шею’, из которого позже развилось значение ‘шея вообще’ [Черных, II, 411]. Л. В. Куркина также полагает, что слово *шея* родственно др.-исл. *suja* ‘шов, дощатый настил’ [Шведова, 1106]. «Менее вероятным является сближение с сербохорв. *ошијати* – ‘повернуть’, с лат. *sinus* – ‘изгиб’, ‘извив’, ‘кривизна’, ‘выпуклость’,

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

‘грудь’, ‘лоно’ и *sinum* – ‘широкий глиняный сосуд’. И.-е. корень здесь, как полагают (Видеман), **(k)sei* – ‘гнуть’, ‘сгибать’» [Черных, II, 411; также Фасмер, IV, 434–435].

В целом принимая возведение **šьja* к **šiti*, предлагаем семантические коррективы к указанной этимологии. Кажется, что этимологи в своих рассуждениях исходят из современного значения глагола *шить* ‘соединять ниткой с помощью иглы края ткани, кожи и т. п. при изготовлении одежды, обуви и т. п.’ [ССРЛЯ, 17, 1425]. Однако углубленное изучение этимологословообразовательного гнезда *шить* показывает, что основной семантикой (и, скорее всего, первоначальной) является семантика соединения чего-либо, скручивания, связывания (см. реконструкцию в работе [Гамкрелидзе, Иванов, 704]. Эту семантику отражает сам глагол и ряд дериватов этого гнезда: *подшить* ‘скрепляя, присоединить к чему-либо, соединить вместе, подобрав (в каком-либо порядке) и скрепив’ [СРЯ, III, 230], *шить* ‘прикреплять, скреплять доски гвоздями, шпонами и т. п. || изготавливать из дерева, досок, скрепляя их гвоздями, шпонами’ [ССРЛЯ, 17, 1425] и др.

Таким образом, мы можем полагать, что древнейшее слово *шея* (возможно, индоевропейское по происхождению, если учитывать исландскую параллель) отражает первичную семантику гнезда (**šiti* ‘соединять, связывать’ > **šьja* ‘часть тела, соединяющая голову и туловище’), но поскольку этимологи исходят из современного понимания глагола *шить*, то им приходится восстанавливать промежуточное звено в цепи: **šiti* > **šьja* ‘воротник’ > **šьja* ‘часть тела’. Метонимия от названия одежды (воротник) к части тела не вполне логична: скорее, могло бы произойти наоборот, а вот непосредственное образование от самого глагола представляется объяснимым в свете основной семантики гнезда. Кроме того, лексема **šьja* (*шея*) не зафиксирована в значении ‘ворот’ или ‘часть одежды’. Такие дериваты, как *шейник* ‘мужской шейный платок, галстук’ [Даль, IV, 632], *ошейник* ‘ремешок или металлическое кольцо с застежкой, надеваемые на шею животного’ [ССРЛЯ, 8, 1822] являются вторичными образованиями.

Если принять во внимание наши размышления, то можно предположить, что первоначальным значением лексемы **šьja* было ‘место соединения, сочленения’ и лишь позднее она специализировалась в анатомической сфере. Схожую модель

номинации частей тела мы встречаем в словах: *выя* ‘задняя хребтовая часть шеи’, которое образовано по модели ‘соединять, связывать’ → ‘шея’ и производно от утраченного праслав. глагола **(v)yti* ‘вязать, плести’ [Меркулова, 295], *плето* ‘плечо’ – дериват корня **plet-* ‘плести’, *заветь, завить, завойка* ‘запастье’ – дериваты **viti* ‘вить’ [Галинова, 144]. У слова *шея* и его дериватов до сих пор сохраняется семантика соединения: *шея* ‘ремешок, соединяющий части ручного молотила, цепа’ [СРГК, 6, 865], *шейка* ‘петля, которой кнут привязан к кнутовищу’ [БТДК, 589], ‘ремень у цепа’ [ЯОС, 10, 72], ‘соединение ручки с ударной частью цепа с помощью петли’ [БТДК, 589]; ср. также формулировку анатомического значения: *шея* ‘связь головы с туловищем, часть тела промеж плеч и головы’ [Даль, IV, 631].

Отметим также тот факт, что словари [Фасмер; Черных; Шведова] не комментируют такой дериват, как *перешеек*, хотя этимологически это слово представляет большой интерес. Судя по всему, неправильно выделять для этого слова в качестве мотивирующей лексему *шея*, поскольку приставка *пере-* является глагольной, а значит, мотивирующим является глагол *перешить* (ср. *перевязать* > *перевязь*, *переплести* > *переплет* и т. п.). При таком словообразовании важной также остается архаическая семантика соединения: *перешеек* ‘полоса суши, соединяющая два отделенных водным пространством материка или материк с полуостровом и т. п.’ [СРЯ, III, 108], *перешеек* ‘сравнительно узкая полоса суши между двумя водными бассейнами, соединяющая две более крупные ее части’ [ССРЛЯ, 9, 1013], *перешеек*, *перешейка* ‘узкая полоса земли, соединяющая отделенные водным пространством две более крупные части суши (два материка, материк с полуостровом и т. п.)’ [Ушаков, III, 226]. Та же семантика отражается и в других производных от этого глагола: *перешвы* ‘перетяжки, подметки’ [Даль, III, 99], *перешва* ‘поперечная жердь, скрепляющая бревна плота’ [КСГРС] и пр.

Галинова Н. В. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы : в 2 ч. Тбилиси, 1984.

Меркулова В. А. Комментарий к вопросу № 1443 Вопросника ОЛА ‘шея’ // Общеславянский лингвистический атлас. М., 1981. С. 291–297.

Формально-структурная характеристика русских и тайских фразеологизмов с анималистическим компонентом

Под фразеологизмами с анималистическим лексическим компонентом мы понимаем такие фразеологические единицы (далее – ФЕ), которые имеют в своем лексическом составе названия животных, птиц, насекомых, рыб и т. д., т. е. наименования любых существ живой природы (исключение – человек). Такой лексический компонент в составе ФЕ иначе можно назвать зоонимом или анимализмом.

Компоненты – названия животных переходят в разряд слов-символов, отражающих сложившиеся у людей представления о разных животных. Многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими свойства и качества человека. Анималистическая фразеология отражает многовековые наблюдения человека над внешним видом и поведением животных, передает отношение людей к ним. Зоонимные фразеологизмы несут энциклопедическую информацию как о типичных чертах животного, так и о менее явных признаках, не отраженных в словарных дефинициях. Но важнее всего то, что ФЕ с анималистическим компонентом, как разновидность экспрессивной лексики, используются с целью выделить положительные или отрицательные качества человека посредством уподобления человека животному. В фольклоре любого народа и в первых письменных источниках герои этноса метафорически сравниваются с различными животными.

В качестве предмета данного сообщения мы избрали формально-структурную организацию русских и тайских ФЕ с анималистическим компонентом.

Под собственно формой фразеологизма, представляющей собой его материальную основу, подразумевается лексико-грамматический компонентный состав фразеологизма со всеми его видоизменениями и его структурная организация. Приступив к формальной характеристике русских и тайских фразеологизмов, содержащих зоонимы, мы столкнулись

с проблемой границ фразеологизма: следует ли включать слова-сопроводители в состав ФЕ или относить их к узкому контексту, обязательному для употребления данной ФЕ. Это касается таких ФЕ, как *молчать как рыба, упереться (заупрямиться) как баран, напиться (быть пьяным) как свинья*. «Они сохраняют все признаки слова, в том числе и свое лексическое значение и свою самостоятельную синтаксическую функцию», – считает А. И. Молотков [Молотков, 10], поэтому такие слова-сопроводители находятся за границей фразеологизма.

Существует еще одна проблема, связанная с формальной организацией фразеологизмов. Это проблема вариантности фразеологизмов. Многие русские и некоторые тайские ФЕ допускают существование вариантов в составе фразеологизма.

Среди русских зоонимных фразеологизмов мы выделили несколько типов вариантов: а) лексические варианты, например: *как белка в колесе крутится (вертится), комара (муху) не зашибет, медведь (слон) на ухо наступил, кошки скребут на душе (сердце)*; б) грамматические варианты, например: *волком выть (взвыть), куда ворон костей не заносил (не занесет), здоровый (здоровые) как бык (быки), вешать (навешать) собак*; в) коммуникативные варианты, например: *едят тебя (его, ее, вас, их) мухи; пес с ним (с ней, с ними)*, а также смешанный тип, например: *пускать (пустить, давать, дать) петуха; врет (наврет, брешет, набрешет) как сивый мерин*.

Анализ формальной организации тайских анималистических ФЕ показал, что среди тайских фразеологизмов встречаются лишь лексические варианты, например *ปลิง (ปลิง) ใน (ใต้) ปะการัง* («лягушка (жаба) в (под) кокосовой скорлупе») или *หางจระเข้ (หาง) กล้วย* («хвост лягушки»). Отсутствие грамматических вариантов среди тайских зоонимных ФЕ вполне объяснимо особенностями грамматической системы тайского языка, поскольку словоизменение в виде парадигмы словоформ для него не характерно.

Формальная характеристика ФЕ предполагает исследование их структурной организации. Как правило, фразеологизм возникает на базе свободного сочетания слов или предложения, и потому структура фразеологизма тождественна структуре того словосочетания или предложения, из которого он переосмыслен.

Русские ФЕ могут соотноситься по своей грамматической организации не только с предложениями и словосочетаниями, но и с сочинительными сочетаниями слов и словоформ.

Большинство русских ФЕ с анималистическим компонентом построены как подчинительные словосочетания. Таких выявилось 79 единиц. Их структура тождественна структуре свободных словосочетаний. Среди них было обнаружено 37 глагольных, например: *убить двух зайцев; гусей дразнить; вешать собак; забивать козла; брать быка за рога; вернуться к нашим баранам; собаку съесть; играть в кошки-мышки* и др., – и 42 субстантивных, например: *морской волк; невинный барашек; стреляный (старый) воробей; драная кошка; красный петух; белые мухи; птица высокого полета; курам на смех* и др.

Выделяются особые структуры, в состав которых входит сравнительный подчинительный союз *как* (или его синонимы *точно, словно, будто*). Это устойчивые сравнительные сочетания, например: *как с гуся вода; (жить) как кошка с собакой*.

Несколько русских ФЕ построено по модели сочинительного сочетания слов, при этом сочинительная связь выражена формально посредством сочинительных союзов «ни... ни»; «что... что»: *что конь что кобыла; ни рыба ни мясо*.

Среди русских ФЕ с анималистическим компонентом было обнаружено 3 ФЕ с анималистическим компонентом, тождественных по своей структуре словоформе: *под мухой; с петухами; до петухов*.

Значительно больше в русском языке ФЕ с анималистическим компонентом, тождественных по своей формально-структурной организации предложениям, например, либо в виде двусоставного предложения: *куры не клюют; кот заплакал*, – либо в виде односоставного предложения: *негде курице клюнуть; на (кривой) козе не объедешь; не пришей кобыле хвост* и др.

Что касается тайских ФЕ с анималистическим компонентом, то анализ их формально-структурной организации показал, что тайские зоонимные фразеологизмы можно разделить на 4 группы: 1) структурно тождественные сочинительному сочетанию, причем сочинительная связь между компонентами формально не выражена (бессоюзная связь между равноправными компонентами), например: *มูเีตเีตเีตเี*

(«свинья, гриб, утка, курица»), เสือ สิงห์ กระต่าย แรด («тигр, лев, бизон, носорог»); 2) структурно тождественные подчинительному сочетанию, где между компонентами наблюдается подчинительная грамматическая связь, например: หา(หูก)เลือดกับปู («искать (скрести) кровь краба»), ไก่อ่อน («молодой петушок»), ลิ้นจระเข้ («язык крокодила»), อีกลาตามพริก («ворона с перцем чили»); 3) структурно тождественные простым предложениям, например: เสือรู้ («тигр знает»), หมีกินผึ้ง («медведь ест пчел»); 4) структурно тождественные сложным предложениям, например: ช้างจับตักแตน («ехать на слоне – ловить кузнечика»), หน้าเมื่อใจเสือ («лицо оленя – сердце тигра»).

Таким образом, проведя анализ формально-структурных особенностей русских и тайских анималистических ФЕ, мы пришли к выводу, что в обоих сопоставляемых языках ФЕ были образованы по сходству со свободными синтаксическими единицами, функционирующими в каждом из этих языков. И в русском, и в тайском языке есть фразеологизмы, структурно тождественные сочинительным и подчинительным словосочетаниям, а также предложениям. В обоих языках существуют устойчивые сравнительные обороты со сравнительными союзами (в русском языке с союзами *как, словно, точно, будто, что*; в тайском – с союзом *เหมือน*).

Однако сопоставительный анализ показал, что существуют и некоторые различия в формально-структурной организации русских и тайских зоонимных фразеологизмов. Прежде всего структурное отличие заключается в том, что среди тайских фразеологизмов отсутствуют ФЕ, структурно тождественные словоформе, что обусловлено типологическими особенностями тайского языка.

Типологические различия русского и тайского языков определяют еще одно структурное отличие русских и тайских ФЕ, а именно: все тайские зоонимные фразеологизмы, тождественные по структуре простым предложениям, характеризуются двусоставностью основы. В русских ФЕ представлены не только двусоставные, но и односоставные структуры.

Оппозиция «внешний – внутренний» в русской «одежной» метафоре*

В докладе рассматриваются факты русской диалектной лексики и фразеологии, возникшие в результате семантической деривации на основе наименований одежды. В большинстве своем изучаемая лексика носит метафорический характер. В деривационной и фразеологической семантике проявляются различные оппозиции, значимые для концептуализации представлений об одежде, в том числе оппозиция «внешний – внутренний».

«Внутренняя» часть оппозиции формируется на основе обозначений белья и внутренних частей одежды (*бельё, подоплёка, пазуха* и т. д.), а «внешняя» – на основе обозначений собственно одежды и ее деталей (*сарафан, штаны, подол, пояс* и др.). *Рубаха* и *сорочка*, однако, могут восприниматься и как нательная одежда, поверх которой может быть надето что-то еще, и как внешняя и «самодостаточная» составляющая костюма. Семантические дериваты на основе этих наименований демонстрируют «срединное» положение этого вида одежды, обнаруживая разновекторность развития вторичных значений у данных слов: новг. *рубашка* ‘внешний слой стебля волокнистых растений (льна, конопли)’, перм. *рубашка* ‘внутренний слой туеса’, калуж. *сорочка* ‘слой древесины, который остается на тонком тесе после снятия коры’.

Названия белья, исподней одежды и ее деталей, относящиеся к сфере «внутреннего», образуют устойчивые сочетания для обозначения различных физиологических процессов и состояний (менструация, беременность): влад. *платное*, диал. шир. распр. *на рубахе* ‘о менструации’, прикам. *выглядывать рубашку* ‘свидетельствовать о девственности молодой’, печор. *в пазухе иметь*

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

(носить) 'в материнском лоне (о беременной и о ребенке в ее утробе)'. Наименования верхней одежды (особенно головных уборов) используются при обозначении внешнего физического воздействия – удара: простореч., шутол. (дать) *по шапке* 'наказать, избить кого-либо', сиб., ирон. *татарку сошить* 'избить, побить' (ср. *татарка* 'зимняя мужская шапка').

Наименования «внешней» одежды, образуя семантические дериваты и фразеологизмы со значением взаимодействия между людьми, маркируют социальный статус человека, используются для оценки его поведения с учетом принятых в обществе норм, в то время как названия внутренних частей одежды выступают при обозначении межличностных отношений.

Наиболее богато представленной группой является группа сочетаний, номинирующих взаимоотношения мужчины и женщины. Показателем матримониального статуса становятся в большинстве случаев головные уборы: олон., перм. *снять (отдать) волю* 'о замужестве, выходе замуж' (ср. *воля* 'девичий головной убор в виде широкой ленты'), урал. *вплести косоплётки* 'выйти замуж' (ср. *косоплётка* 'узкая тряпочка, плетеная веревочка, которую носят в волосах замужние женщины'). Иногда в этой функции задействуются и другие части костюма, в том числе обувь: перм. *снять девичью рубашку* 'выйти замуж', арх. *ступить в красный сапог* 'неудачно выйти замуж'.

Выбор названий таких частей одежды, как *подол*, *огузье* (печор. 'отвислая часть между штанинами брюк'), для обозначения заигрывания, предосудительного поведения, измены демонстрирует наложение оппозиций «внешнее – внутреннее» и «верх – низ», ср. урал. *подол нечистый у кого-либо* 'намек на супружескую неверность, на развратное поведение кого-л.', печор. *огузьем трясти* 'изменять жене, иметь любовниц'. Сходная символика реализуется и в простореч. *принести в подоле* (запоне, фартуке) 'родить вне брака'. На обыгрывании этого образа построен пермский фразеологизм *попа в подоле держать* 'помнить о девичьей чести'.

Подол как в языке, так и в обряде может осмысляться как символическое обозначение женского: прикам. *подол захватывать* 'стремясь взять верх над невестой, стараться сесть на подол ее платья при усаживании за свадебный стол', урал. *ремнем*

подол обшивать 'о свахе: ходить много раз к неговорчивой невесте или сватать за плохого жениха' (ремень в этом случае выступает в качестве второго, «мужского», компонента гендерной оппозиции).

Через наименования одежды, относящейся к сфере «внешнего», отмечается порицаемое обществом поведение: лень (печор. *сарафаном трясти* 'бездельничать, ходить красуясь по деревне'), несамостоятельность (арх., пск. *под подолом сидеть* 'подчиняться во всем мнению какой-л. женщины (обычно жены, матери)'), выход за рамки принятых правил (разг., перен. *распоясаться* 'становиться несдержанным, распушенным, наглым'; печор. *плат с головы потерять (утерять)* 'обесчестить себя, опозориться').

Через наименования «внутренней» одежды и ее частей обозначаются межличностные отношения: опека, забота (печор. *в пазухе держать* 'окружать непомерной заботой кого-л.', урал., пенз. *вырастить в поле (детей)* 'вырастить детей под своим присмотром, в постоянных хлопотах и заботах'), душевная близость людей (яросл. *пола в полу (жить)* 'душа в душу (жить)').

Поскольку внутренние части одежды находятся максимально близко к телу, покрывают его, но остаются незаметны для стороннего взгляда, то у их наименований развиваются вторичные значения с семой 'скрытый, тайный': арх., самар., курск. *знает грудь да подоплёка* 'о скрытой тоске, переживаниях', простореч., устар. *за пазушкой 'втайне'*, неодобр. *из-под полы* 'украдкой, незаконно (продавать или покупать что-л.)'.

Взаимодействие оппозиций «внешний – внутренний» и «верх – низ» проявляется и в первичных наименованиях одежды, ср. диал. шир. распр. *верхонки* 'рукавицы, надеваемые поверх варежек (обычно кожаные)', *исподки* 'вязанные варежки, обычно надеваемые под кожаные рукавицы'.

Типы деривационной семантики префиксальных глагольных дериватов, мотивированных глаголом *говорить*

Образование слов глагольного класса является одним из звеньев словообразовательной системы русского языка. Главным способом деривации в сфере глагольного класса в русском языке является префиксация. Приставочные глаголы занимают в современном русском языке важное место как по количеству, так и по их значимости в деривационной системе.

Сочетание глаголов с приставками определяется семантикой и структурой мотивирующего глагола, но и сами приставки в процессе словообразования проявляют свою семантику, так как имеют морфосемантические компоненты. О наличии более емкой и конкретной семантики у префиксов, по сравнению с другими аффиксами, говорит тот факт, что из всех аффиксов только префиксы в толковых словарях рассматриваются наряду с обычными словами, где они располагаются в общем корпусе словаря по алфавиту. Современные русские грамматики отмечают, что в глагольном словообразовании активно участвуют 28 приставок. В образовании префиксальных глаголов, мотивированных глаголом *говорить*, участвуют 19 приставок: *вз-, воз-, вы-, до-, за-, из-, на-, недо-, о-, об-, от-, пере-, по-, под-, при-, про-, раз-, с-, у-*.

Все приставки можно разделить на две группы: чисто видовые приставки и приставки словообразовательные (деривационные). Однако некоторые ученые считают, что во многих случаях присоединение приставки может одновременно изменять и семантику глагола, и его видовую характеристику (С. А. Кузнецов, Э. Секанина, М. А. Шелякин и др.). «В большинстве значений префиксов сочетается значение совершенного вида со словообразовательными значениями, характеризующими с разных сторон действие, названное мотивирующим глаголом» [РГ, 1980, 23].

Таким образом, взаимодействие между значением префикса и семантикой исходного глагола определяет семантику

префиксального (производного) глагола или лексико-семантического варианта, если глагол является многозначным.

В современной лингвистике всё большее признание получает классификация производных в соответствии с характером словообразовательных значений, которая учитывает семантическое расстояние между исходным словом (основой) и производным словом. В соответствии с этим словообразовательные значения делятся на два типа: модификационные и мутационные. Однако по отношению к префиксальным глаголам единого мнения по этому вопросу до сих пор нет. Некоторые ученые (В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, М. Н. Янценецкая и др.) вообще отрицают наличие мутационных значений у префиксально-производных глаголов и относят подобные дериваты к области модификации. Однако исследования последних десятилетий убедительно доказывают, что модификация и мутация для префиксально-глагольных образований так же характерна, как и для других групп производных слов. Для подтверждения этого ученые выявляют специфические признаки модификационного и мутационного значения в префиксально-производных глаголах и, соответственно, разграничивают приставки, которые служат для формирования модификационного значения, называя их модификаторами, и приставки, которые служат для формирования мутационного значения, – квалификаторы.

Целям модификации служат, по мнению многих ученых, приставки видовременной семантики (Н. С. Авилова, Ю. С. Азарх, Л. А. Вараксин, А. И. Моисеев, З. Скоумалова, М. А. Шелякин и др.). «Модификационные словообразовательные значения присущи семантико-словообразовательным группировкам глаголов, представляющим собой способы глагольного действия» [РГ, 1970, 558]. При этом одна и та же приставка может служить для формирования как модификационного значения, так и мутационного.

В рамках общей модели модификационного значения выделены более специфические формулы. В соответствии с этими формулами мы распределили лексико-семантические варианты (ЛСВ) префиксальных глагольных дериватов, мотивированные глаголом *говорить*, на 3 группы.

1. ЛСВ со значением ‘завершить/завершать действие в соответствии с его внутренней направленностью (действие с результатом воздействия на слушателя)’ выявилось 11, например,

обговорить ‘обсудить что-л.’, *разговорить* ‘заставить разговариваться, вызвать желание вступить в разговор’.

2. ЛСВ со значением ‘осуществить/осуществлять определенную фазу действия’ выявилось 7. При этом со значением начальной фазы – 2 ЛСВ, например, *заговорить* ‘начать говорить’; со значением средней фазы ‘проводить некоторое время... исходное действие’ – 3 ЛСВ, например, *поговорить* ‘провести некоторое время в разговоре, за обсуждением чего-л. или говоря что-л.’; со значением финальной фазы – 2 ЛСВ, например, *договорить* ‘окончить говорить; довести до конца’.

3. ЛСВ со значением ‘завершить/завершать действие, осуществляя его сильно, слегка, тщательно, постепенно, как один акт, как несколько/много актов’ выявилось 8. Например, *наговорить* ‘сказать много чего-л.’, *проговорить* ‘поговорить обо всем, о многом’.

Таким образом, из общего числа ЛСВ префиксальных глагольных дериватов (62) 26 имеют модификационные значения. Остальные 36 ЛСВ относятся к дериватам с мутационным значением.

Результатом мутационного преобразования исходной основы является порождение глаголов со значением нового типа действия. В связи с этим производные при мутации могут принадлежать к разным лексико-семантическим группировкам одной части речи, т. е. производная основа изменяет интенциональную перспективу исходной основы.

Большинство ЛСВ с мутационным значением имеют отвлеченную семантику и объединяются общим компонентом значения ‘направление на объект’, что сказывается и на характере лексико-семантических изменений, и на соотносительности с новыми лексико-семантическими группами и подгруппами. При определении ЛСГ и подгрупп глаголов мы использовали «Толковый словарь русских глаголов» под ред. проф. Л. Г. Бабенко. Так, например, глагол *выговорить/выговаривать* характеризованной речевой деятельности переходит в подгруппу глаголов речевого воздействия со значением ‘произносить слова неодоброльства, неодобрения, выражая порицание кому-л. за что-л.’, а глагол *заговорить/заговаривать* переходит в другую лексико-семантическую группу – глаголов социальных отношений и подгруппу глаголов подчинения: *заговорить/заговаривать* ‘оказать действие на кого-л., что-л. заговором; заколдовать’.

Таким образом, анализ семантики конкретных префиксально-глагольных дериватов подтверждает наличие в них как модификационных, так и мутационных значений.

РГ, 1970 – Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

РГ, 1980 – Русская грамматика : в 2 т. М., 1980.

Н. В. Чугаев

Пермь

Опыт синтаксического анализа пыскорского документа 1741 года

Материалом настоящего исследования стали листы 19, 19 об. и 20 рукописной книги «Столп приходной денежной казны Пыскорской заводской канторы 1741 году», хранящейся в Государственном архиве Пермского края (ГАПК), ф. 180 «Пыскорский медеплавильный завод», оп. 1, № 27. Основная цель исследования – выявление характерных особенностей построения текстов деловой разновидности литературного языка XVIII в. [Майоров, Русанова, 3, 7; Полякова, 38]. В рамках этой общей цели выделяются частные задачи: описание синтаксических структур, специфики текста в целом и его стилистических особенностей.

Представляется необходимым дать характеристику материала и некоторые выдержки из документов. На листах 19, 19 об. и 20 помещается 4 текста разных жанров, объединенных одним финансовым вопросом – взысканием с крестьянина Осокина денег за пропавшие сало и порох.

В процессе исследования были выделены следующие синтаксические и морфологические особенности:

1. Обилие инверсивных конструкций (*григоровского селца у малолетнего алексеев Осокина*).

2. Двойная номинация объекта с помощью местоимения и имени (*а по оному писму велено у него Осокина принять; взять на немъ Осокине*).

3. Характерность результативных безличных конструкций. Отмечается обилие предикатов, сказуемые «нагромождаются»,

«нанизываются» друг на друга, играя роль связующих элементов (*принято; показано; справливанось; оказало; велено; незаписано; недонято* и пр.).

4. Особенностью цитирования явилась, во-первых, его немаркированность, а во-вторых, смешение в процессе его косвенной и прямой речи (*а по справке 1727 году оказало* (авторская речь) *в ономъ 727 году было вприходе* (цитата)).

5. Тавтологические и плеонастические повторения: лексемы *сало и порох* в разной дистрибуции повторены в тексте 8 раз (*ежели оных и и понынѣ уполанного с темъ алексея осокина недонято а послано было с нимъ*; см. также приложение).

6. Синонимические замены (контекстуальные синонимы). В данном случае синонимами являются следующие, относящиеся к одному референту (*сало и порох*) лексемы: *неотданные, неявльшиися, неявилось, недонято, недописано* (см. ниже).

Для удобства восприятия референты (*сало и порох*) выделены в тексте курсивом, а их определения-предикаты – жирным шрифтом.

Фрагменты транслитерированного текста.

Особенности палеографии документа не входили в задачи исследования, поэтому в публикуемом тексте отражены в усеченном виде. Авторское деление на слова и орфография сохранены. Заглавные буквы, лигатуры, варианты графем (кроме **ѣ**), а также построчное деление не передаются. Деление на строчки вместе с нумерацией соответствует смысловым фрагментам текста. В квадратных скобках восстанавливаются формы, пропущенные писцом.

19 л.

<...>

принято присланного от пыскорской заводской канторы

5) *мѣлко* *пороху* шеснатцать фунтовъ

6) *сала* *говяжься топленого* одинъ пуд пятнатцать фунтовъ

7) велено у него осокина принять

8) *пороху* семнатцать с половиною фунта

9) *сала* *говяжься топленого* одинъ пудъ дватцать фунтовъ

10) и противъ того в приход **незаписано**

11) *пороху* одного с половиною фунта

12) *сала* *говяжься топленого* пяти фунтовъ

13) <...> велено

- 14) за недописанной вприход противъ писма того
15) [*пороху*] одинъ фунтъ спроловиною
16) *сала* пять фунтовъ
17) ежели оных и и понынѣ упосланного с темъ алексея
осокина **недонято**

<...>

- 20) взять на немъ осокине по центѣ денги без упущения
21) изапитсать вприход
22) а при слѣдствии оной осокинѣ допросом показаль
23) *пороху* одного споловиною фунта вотдачу **неявилось**
для того
24) что везучи подмочилъ
25) а *сала* пяти фунтовъ
26) отневѣрности вѣсовъ
27) и в пыскорской заводской канторе овзыскании за не-
отданныя припасы споказанного осокина поцентѣ денег
<...>

19 л. об.

- 34) посиле сего указа за **неотданной порохъ и сало**
35) споказанного осокина

<...>

- 38) взыскать и записать в приходѣ

<...>

- 43) в ономъ 727 году было вприходе
44) *сало говяжье топленое*
45) попятидесят по семи копеекъ пуд
46) *порох мелкои*
47) посеми рублев по дватцати по пяти копеекъ пуд
48) а по расчислению с показанного крестьянина осокина
надлежить взыскать днгъ
49) **занѣявльшееся сало** пять фунтовъ
50) поозначенной центѣ семь сосминою копейки
51) *за порох*
52) за одинъ споловиню фунта дватцать семь с четвер-
тью копейки

Майоров А. П., Русанова С. В. Памятники забайкальской деловой
письменности XVIII века. Улан-Удэ, 2005.

Двоезубые, двоеволосые, двоеглазые: к вопросу о символике числового компонента*

В северо-восточных районах Костромской области (Вохомском, Павинском и Октябрьском) участниками Топонимической экспедиции Уральского университета были зафиксированы лексемы *двоезуб*, *двоезубый* 'о человеке, у которого один ряд зубов находит на другой', *двоеволосый* 'о человеке с разноцветными волосами', *двоеглаз*, *двоеглазый* 'о человеке, у которого бегают глаза'. Приведенные диалектные факты объединяются идеей превышения нормы, которое воспринимается народным сознанием как нечто необычное и, как следствие, подозрительное: «Двоезубы люди тяжёлые, урочливыё»; «Двоезубые есь. Один тут был. Дак свиноматка рождается, дак он не пойдёт, а то она всех поросят съест»; «Родилася скотинка. Пришла двоезубая-урочливая. Скажет если чего – обязательно пропадёт [скотина]»; «Двоеволосый – белые волосы и рыжие, чёрные ли. Изурочит такой»; «Двоеглаз на лес поглянет – лес вянет. Двоеглаз изурочит. Он сдваивает, глаз на месте не стоит». Как видим, людям, обладающим такими внешними особенностями, информанты приписывают негативное магическое влияние на окружающих, прежде всего способность к сглазу.

Внутренняя форма слов *двоезуб* (два + зуб), *двоеволосый* (два + волос) и *двоеглазый* (два + глаз) не проясняет, о какой именно телесной аномалии идет речь, а в последнем случае совпадает с телесной нормой (два глаза). Числовой показатель *два* маркирует не только количественное увеличение, но и нетипичный внешний вид и необычное функционирование органа.

В случае с *двоезубом* числительное *два* указывает на аномальное количество зубов или их неправильный рост (один

* Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

зуб «заходит» за другой). В славянской традиции зубы связываются с жизненной силой, со сверхъестественными способностями. Обнажение зубов воспринимается как универсальный знак агрессии. Особая крепость зубов или их аномалии мыслятся как признак принадлежности человека потустороннему миру.

В слове *двоеволосый* закреплено представление о разноцветных волосах как признаке демонической природы человека. В традиционном мировосприятии многих народов мира волосы (наряду с зубами) предстают как средоточие жизненных сил человека. В магических практиках славян, по свидетельству словаря «Славянские древности», отрезанные волосы могут выступать как заместитель человека. *Двоеволосый* как бы несет в себе двойное жизненное начало, живет за двоих.

В составе слова *двоеглазый* числительное *два* теряет свою числовую нагрузку и указывает не на количественную, а на функциональную аномалию: так называют человека, у которого «бегают» глаза. Будучи выразителем внутреннего мира человека (наряду с лицом, языком и душой), глаза позволяют делать вывод о его душевном состоянии и моральных качествах. Ср. просторечное выражение *глазки бегают*, которое употребляется при определении неискреннего, лицемерного человека. В пространстве народной культуры моральная нечистоплотность коррелирует со способностью к вредоносному влиянию на окружающих.

Негативное восприятие «удвоения» частей тела, отвечающих за жизненную силу человека, поддерживается также заговорными текстами: «Отговариваю от *двоезубого*, от *троезубого*, от *двоеглазого*, от *троеглазого*, от всех разных голосов – чтоб не изурочили» (Павинский район Костромской области). Тексты такого рода имеют более широкую географию, ср. фрагменты из сборника Л. Н. Майкова «Великорусские заклинания»: «Отговариваюсь я, раб Божий (имярек), от колдуна, от ведуна, от колдуньи, от ведуньи, от черного, от черемного, от двоеженного, от троеженного, от *двоезубаго*, от *троезубаго*, от трубиного, от окосечного, от сенного, от девки пустоволоски, от бабы, от самокрутки, от всякаго злаго находа человека!» (Саратов.); «...от *однозуба*, *двоезуба* и *троезуба* человека, со стороны скота видящего и в след идущаго, от встречнаго и мимоидушаго худого глаза человека закрой и защити» (Новг., Арх., Олон., Юж. Сибирь).

Русская мера в семантико-мотивационном освещении

С давних времен и до сегодняшнего дня люди привыкли измерять окружающие их реалии. Однако способы измерения не отличались единообразием, привычным современному миру, – скорее, наоборот: количество способов измерения окружающих человека предметов было достаточно велико. Языковые данные красноречиво говорят о многообразии параметрических номинаций, которые, будучи отраженными в уральском говоре, и стали объектом данного доклада.

Источником материала является «Словарь русских говоров Среднего Урала». Всего нами было рассмотрено 28 лексем, для 25 слов значение *меры* является основной реализуемой семантикой, в 3 случаях подобная семантика является переносной.

Цель нашего исследования – проследить закономерности распределения различных компонентов семантики в структуре и составе лексико-семантического поля меры. Отдельным аспектом изучения лексики стал мотивационный, в результате исследования выявлены сферы – источники номинаций, основные модели номинаций.

Особенностями категориальной семантики лексики данного поля является обозначение «неопределенного» параметра, т. е. семантики меры, ограниченной только одной измерительной характеристикой (*мёрник* ‘мера чего-либо’, *метрóвик* ‘что-то длиной в один метр’).

Дифференциальная семантика представлена следующим набором сем:

Группа А. «Объект измерений»: мера зерна (*гáрец* ‘мера зерна’, *малёнка* ‘мера зерна или муки, равная одному пуду’); мера льна (*двадцаток* ‘связка льна в 20 пучков’, *куфтырь* ‘мера льна, равная двадцати горстям’); мера пряжи (*пасм* ‘мера пряжи в домашнем ткачестве, пасмо’, *чísменка* ‘единица измерения пряжи, равная трем ниткам в мотке на мотовиле’); мера длины (*мах* ‘мера длины, равная расстоянию

между кончиками пальцев вытянутых в сторону рук', *батог* (перен.) 'палка длиною в метр – мера длины'); мера площади (*переезд* 'старинная мера земельной площади, примерно равная одному гектару'); мера жидкости (*малёнка* 'мера жидкости, равная четверти литра', *четвертник* 'сосуд емкостью в четверть литра'); мера ширины (*огрѣб* 'ширина захвата граблями при сгребании сена'); мера необмолоченного хлеба (*овин* 'мера необмолоченного хлеба – по количеству снопов или суслонов, одновременно сушащихся в риге (обычно 300 снопов или 50 суслонов)', *однорядка* 'мера необмолоченного хлеба (обычно 25 суслонов или 150 снопов)').

Группа Б. «Эквивалент для измерений»: пуд (*пуд* 'сосуд цилиндрической формы, вмещающий один пуд зерна. Применяется обычно для измерения и пересыпки зерна', *дублянка* 'деревянная мера, вмещающая пуд зерна'); снопы или суслоны (*десятерица* 'кладка сжатого хлеба из 10 снопов', *деверёк* 'укладка из 9 снопов: шесть ставятся, а три кладутся сверху'); метр (*полоторник* 'ящик или сундук длиной в полтора метра'); литр (*бу́тля* 'двадцатипятилитровая бутылка'); гектар (*переезд* 'старинная мера земельной площади, примерно равная одному гектару'); пучок льна (*двадцаток* 'связка льна в 20 пучков'); пасм (*пята́ха* 'мера пряжи в пять пасм', *девятня* 'бердо, рассчитанное на 9 пасм').

Осмысление человеком результатов измерений имеет двуплановую природу, что сказывается на точности измерений: во-первых, есть представление о конкретных параметрических единицах (гектары, литры, метры и пр.), служащих для «абсолютных», объективных измерений; во-вторых, об относительности измерений (что выражается в сопоставительных параметрических номинациях: *мах* 'мера длины, равная расстоянию между кончиками пальцев вытянутых в сторону рук').

Поле имеет небольшую ядерную зону (10 параметрических номинаций с различиями в семантике, связанными с различиями в номинативной ситуации и мотивационном признаке) и периферийную зону, представленную группами лексем с весьма широкими различиями в номинативном плане.

Нами были отмечены некоторые закономерные способы образования переносных значений, в частности, распространен метонимический перенос 'предмет, которым совершается какое-л. действие' → 'средство измерения других предметов,

к которым применяется действие': *огрѣб* 'ширина захвата граблями при сгребании сена', т. е. за один *огреб* сгребается какое-то одно, определенное количество сена, одна его *мера*.

Ю. А. Шкураток

Пермь

Этимология пермского диалектного слова *вѣкшица*

В докладе предпринята попытка этимологизировать неясную лексику *вѣкшица* 'ведьма', включенную в «Словарь русских народных говоров» с пометой «перм.», без иллюстративного материала (Чермоз, 1939 г.) [СРНГ, 4, 106] и с тем же значением зафиксированную в «Словаре русских говоров Среднего Урала. Дополнения»: «Человечьи тела остаются дома, а сама векшица делается свиньей» (Верхот. Карелино) [СРГСУ–Д, 58].

Словари пермских говоров и фольклорные записи свидетельствуют о распространенности лексики на территории Пермского края: «Как-то векшица летала – женщина, медом вымазана, в перьях вываляна, через трубу вылетает на помеле» (Б. Букор Чайк.) [СПГ, I, 82]; «Векшица – та же ведьма. Векшицей любой может сделаться. Лекарство у них есть, они намажутся и в трубу вылетают. Они в лесу в груды собираются и праздники делают. Вреда много приносят. Женщина последнее время ходит, они ребенка достанут. А на то место положат или мыло, или головенку» (Кашка Куед.) [Шумов, 304]. Пермские материалы позволяют уточнить толкование, данное в СРНГ и СРГСУ–Д: тексты о ведьмах-векшицах содержат информацию об их отличительной черте – способности к оборотничеству.

В «Словаре русских говоров севера Пермского края» отмечено еще одно значение слова *векшица* – 'сорока': «[Векшицы летают?] Вещица, векшица. Это вещица ведь зовут сороку. <...> Сядет и спросишь: "Ну-ка, к гостям или к вестям? К гостям, дак в избу лизь, а к вестям, дак в землю провались"» (Камгорт Черд.) [СРГСПК, I, 200].

Для носителей диалекта лексема *векшица* мотивирована словом *вѣкша*: «Векшицы в трубу на ухвате летают. Вѣкша – эта белка» (Б. Кусты Куед.) [Шумов, 306]. *Векшица* – уменьш. к *вѣкша* ‘белка’, – впервые фиксируется в XVII в. [СРЯ XI–XVII вв., 2, 56], однако объяснить семантическое развитие ‘маленькая белка’ > ‘колдунья, способная к оборотничеству’ затруднительно.

На наш взгляд, к анализу необходимо привлечь имеющую близкое значение лексему *вѣщица*: «Вѣшпыца-де она, колдунья. Вѣшпыца вегивала, превратится в сороку да вегивала. Такая была колдливая она дозаривать летала» (Камгорт Черд.) [СРГСПК, I, 195–196]. В современных говорах слово утратило исходную мотивационную связь с глаголом *ведать* и сближается с производными глагола *вещать*. По всей видимости, первичное значение лексемы *вещица* – ‘знающая иной мир; знахарка, колдунья’ → ‘колдунья, склонная к оборотничеству’. Впоследствии слово обрастает множеством переносных значений, ср. укр. *віщиці* ‘род лишаев’; блр. *вешчыца* ‘ведьма, которая оставляет свое тело под ступой, а сама вылетает сорокой в трубу’; сербохорв. *вѣштица* ‘ведьма’, ‘злая, сварливая, противная женщина’, ‘вид ночных бабочек Sphinx (семейство Бражники)’; болг. *вещица* ‘волшебница, колдунья’, ‘злая женщина’, ‘маленькая ночная бабочка’, ‘светлячок’; макед. *вещица* ‘ведьма’; словен. *veščica* ‘пророчица’; словац. *veštica* ‘прорицательница’; польск. *wieścizna* ‘домовой (женский или в виде женщины)’, ‘удушье’, ‘колтун’, ‘ведьма, чертовка’ и др. В русских уральских и сибирских говорах *вещица* приобретает значение ‘сорока’, а также ‘нечистая сила, лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки’ (Уфим., Перм., Tobol.) [СРНГ, 4, 223].

В свою очередь для обозначения сороки, связанной в народном сознании с предсказанием будущего, используется и слово *вѣкша* ‘белка’: «Вѣкша стрекочет, гостей пророчит» (Олон. 1852, Арх., Перм., Свердлов.) [СРНГ, 4, 105]. По мнению Д. К. Зеленина, подобное значение появилось у слова *вѣкша* в результате запрета на называние сороки [Зеленин, 51].

Таким образом, слово *векшица* появилось в результате контаминации *вещица* ‘колдунья, склонная к оборотничеству’ и *вѣкша* ‘белка’ (*векшица* ‘маленькая белка’), чему способствовали: 1) утрата лексемой *вещица* связи с мотивирующим глаголом *ведать* и затемнение внутренней формы; 2) развитие

множества переносных значений, в том числе 'сорока', 'лесной дух, часто в образе красиво окрашенной белки или бесхвостой сороки'; 3) появление у слова *векша* 'белка' значения 'сорока'; 4) фонетическая близость в пермских говорах *вещица* (*вешшыца*) и *векшица*.

Зеленин Д. К. Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии
// Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. IX. Л., 1930.

Словари и источники (с принятыми сокращениями)

- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1980–. Вып. 1–.
- БТДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1955.
- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови / ред. кол.: О. С. Мельничук, І. К. Білодід, В. Т. Коломієць, О. Б. Ткаченко. Київ, 1982–. Т. 1–.
- Комлев – *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов. М., 2006.
- КСГРС – Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка и общего языкознания, Уральский университет, Екатеринбург).
- Молотков – Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1968.
- Мосеев – *Мосеев И. И.* ПомОрьска ГовОря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- Ожегов, Шведова – *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1994.
- Полякова *Полякова Е. Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. СПб., 1967–. Вып. 1–.
- САР – Словарь Академии Российской 1789–1794 : в 6 т. М., 2001–2006.
- СПГ – Словарь пермских говоров : в 2 т. Пермь, 2000–2002.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 вып. / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. Свердловск, 1964–1988.
- СРГСУ-Д – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
- Срезневский – *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1893–1903 (репринт: М., 1989).
- СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края / гл. ред. И. И. Русинова ; Перм. ун-т. Пермь, 2011–. Вып. 1–.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова. М. ; Л., 1965–. Вып. 1–.
- СРЯ – Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- СРЯ XI–XIV вв. – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988–. Т. I–.

- СРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975–. Вып. 1–.
- СРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–. Вып. 1–.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л., 1948–1965.
- ССРЛЯ² – Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. М., 1991–. Т. 1–.
- ТСРГ – Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999.
- Ушаков – Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.
- Фасмер – *Фасмер. М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.
- Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1994.
- Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.
- Шумов – Былички и бывальщины. Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / сост. К. Шумов. Пермь, 1991.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974–. Вып. 1–.
- ЯОС – Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.
- ODDE – The Oxford Dictionary of English Etymology / ed. by S. T. Onions etc. Oxford ; Hong Kong, 2005–2006.
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanankirja. Helsinki, 1992–2000.

Научное издание

СЛОВО В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тезисы III межвузовской конференции
молодых ученых

Екатеринбург, 21 мая 2011 г.

Ответственный редактор *А. А. Макарова*
Компьютерная верстка *Е. С. Коган*

Подписано в печать 17.05.2011. Формат 60 × 84 1/16.

Уч.-изд. л. 4,4. Усл. печ. л. 3,2. Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman.

Тираж 60 экз. Заказ № 526

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

